

ЗАВЕТ ПЕРВОГО СВЕТА

КНИГА II

КНИГА СВИДЕТЕЛЯ

EUGENIUS I

ЗАВЕТ ПЕРВОГО СВЕТА

КНИГА II

КНИГА СВИДЕТЕЛЯ

EUGENIUS I

Первый Верховный Магистр Ордена Первого Света

Первое открытое издание · 2026

Оглавление

I. Светоносец

II. Первый Свидетель

III. Свет, не уничтожающий тайну

IV. Пять обращений к Свидетелю

V. Первая Рана

VI. Страх перед именем

VII. Свидетель и молящийся

I. Светоносец

Утром писец вынул из ящика два листа. На первом сохранилось отцовское письмо, давно утратившее белизну; второй ещё не знал ни одного слова. Вчера он оставил его под лампой, решив начать рассказ о Первом Свидетеле. Теперь утренний свет лёг на бумагу, и он понял, что начать придётся с имени, которое произносили в его общине чаще других. Перо остановилось над строкой. Слово «Светоносец» казалось ясным, пока он не спросил себя, что именно несёт тот, кому принадлежит это имя. Ответ не мог состоять в изображении крылатого человека с огнём в руке. Такое изображение сказало бы больше о человеческом воображении, чем о первой Божественной душе.

В далёкой горной долине стояло селение, где зимой улицы подолгу оставались без солнца. Дома теснились вдоль каменистого ручья, а над ними поднимались склоны, на которых снег задерживался до поздней весны. В самой нижней части селения работала общая печь. У неё сушили дерево, обжигали простые глиняные сосуды, пекли хлеб и грели руки путники, заставшие ночь на дороге. Печь берегли всем селением, потому что развести большое пламя после продолжительных дождей бывало труднее, чем поддерживать уже горящее. За ней присматривала пожилая мастерица, знавшая, какое дерево годится для растопки и куда ложится вода, когда ветер меняет направление.

Однажды с перевала пришёл холодный дождь. Вода затекла под крышу, потушила жар в дальней части печи и намочила хворост, который приготовили для утра. Люди закрыли заслонку, расставили ведра и стали ждать, когда

утихнет буря. Вечером выяснилось, что огня не осталось и в соседних домах: каждый надеялся взять уголь из общей печи, а она остыла. Мастерница обошла топку, проверила серую золу и признала, что здесь ей уже нечего сохранять. Молодая помощница спросила, не придётся ли ждать сухой погоды. Старшая ответила: «Только если в окрестности больше нигде не осталось жара». Затем она вспомнила небольшую кузницу по другую сторону каменного гребня.

Обе знали дорогу к кузнице, хотя в дождь её почти не было видно. Девушка принесла глубокий глиняный сосуд с тяжёлой крышкой; мастерница выстлала его дно сухим песком и велела завернуть в плотную ткань. Они отправились до рассвета, когда ручей ещё не поднялся до тропы. На перевале ветер ударял в плечи и прятал дальние камни за мокрой мглой. Помощница несколько раз споткнулась, но не попросила вернуться. Ей казалось, что они идут за маленьким горящим предметом, который можно добыть и принести, словно потерянную вещь. Старшая молчала и внимательно выбирала место для каждого шага.

Человек легко представляет Свет чем-то таким же переносимым. Он видел, как зажигают свечу от другой свечи и как огонь переходит от сухого полена к соседнему. Но Первый Свет не был добыт из тёмного очага и не зависел от рук, способных его укрыть. Когда из вечного Невыраженного открылось Первое Различие, стало возможно явленное. Первый Свет раскрыл священную возможность познания, а первая осознающая Божественная душа восприняла его. Первого Свидетеля мы зовём Светоносцем. Имя говорит о принятом и передаваемом знании; оно не делает Свидетеля создателем самого Света.

Кузнец открыл дверь только после третьего стука. На его руках была свежая копоть, а за спиной ещё тлели угли. Он выслушал рассказ и вынес из мастерской железные щипцы. Мастерница поставила сосуд на камень, сняла крышку и показала, как лучше уложить угли, чтобы они не рассыпались в дороге. Девушка хотела взять побольше, но кузнец предупредил: если набить сосуд доверху и не оставить жару возможности дышать, можно потерять всё по пути. Они выбрали несколько крепких угольев. Старшая прикрыла их тонким слоем золы, проверила крышку и только после этого подняла тяжёлую ношу.

Когда они собрались уходить, кузнец спросил девушку: «Ты принесёшь огонь домой?» Та ответила, что именно за этим и пришла. Кузнец передал ей сухие лучины и добавил: «Тогда помни, что посуда не греет сама собой». Девушка хотела возразить, что и без него знает это, но заметила, как тщательно мастерница убирает лучины от сырости. Носить жар было недостаточно; дома предстояло устроить место, где он сможет разгореться. Она взяла свёрток под одежду, чтобы ветер не добрался до дерева, и пошла рядом со старшей, придерживая сосуд обеими руками.

У кузнеца после их ухода осталось меньше горячих углей, зато девушка теперь несла жар к другой печи. Так устроено земное ремесло: вещество можно отдать, перевезти, растратить. Здесь, однако, сходство кончается. Первый Свет не убывает оттого, что знание становится доступным другой осознающей душе, и не остаётся закрытым в первой Божественной личности как в сосуде. Люцифер воспринял Его первым, но не получил во владение запас, который мог бы истощиться. Само это восприятие мы

не умеем описать. Каменная тропа, глиняная крышка и руки мастерицы ничего не говорят о том, каким образом священное знание становится доступным сознанию.

На обратной тропе дождь усилился. Помощница почувствовала, как мокрая ткань холодит пальцы, и испугалась, что внутри всё погасло. Мастерица остановилась под каменным навесом, поставила сосуд на землю и осторожно приоткрыла крышку. Под золой ещё сохранялось тусклое красное свечение. Девушка выдохнула с облегчением, но старшая сказала, что радоваться рано: до селения оставался долгий спуск, а в печи лежало сырое дерево. Они снова закрыли сосуд и пошли дальше. Ни одна из них не могла заставить дождь закончиться; они могли лишь беречь то, что получили, и не забыть о следующей работе.

Первый Свидетель не был человеческим ремесленником, которому случайно первому посчастливилось найти драгоценное знание. Он есть первая осознающая Божественная сущность. Земные люди называют Его Люцифером и обращаются к Нему с почитанием, которое нельзя исчерпать уважением к хорошему учителю. В этом почитании есть благодарность за первое свидетельство и надежда на мудрость, которую человек не может сам приказать себе обрести. Но поклонение не даёт права назначать Люциферу привычные обязанности земного властителя. Первый Свидетель не судит каждую человеческую жизнь по составленному людьми перечню заслуг, не обязан исполнить названное желание и не заменяет собой вечного Невыраженного.

Когда они спустились в селение, возле пустой печи уже собралось несколько человек. Мальчик из ближнего дома первым заметил сосуд и громко сообщил, что огонь вернулся. Мастерница попросила его не спешить: ей нужно было проверить топку, убрать мокрую солому и приготовить сухие щепки. В толпе поднялись голоса. Пекарь говорил, что людям необходим хлеб к утру, а кузнечный подмастерье хотел сперва высушить инструменты. Старшая выслушала обоих и попросила помочь освободить печь от воды. Девушка поставила сосуд под крышу и ощутила тревогу: она сберегла жар на долгой дороге, но ещё не знала, удастся ли передать его дальше.

Она разложила щепки так, как показал кузнец, оставила небольшое место для воздуха и опустила на них самый крепкий уголёк. Сначала ничего не изменилось. Затем возле края дерева поднялась слабая светлая нить и исчезла. Девушка уже хотела подложить ещё углей, но мастерница остановила её рукой и попросила: «Не дави на него, дай лучине прогреться». Они подождали, прикрыв огонь от сквозняка, и через некоторое время увидели маленькое устойчивое пламя. Помощница не скрыла улыбки. Но старшая указала на сложенные у стены мокрые поленья: чтобы печь стала пригодной для хлеба, им ещё предстояло добыть сухое топливо.

У печи выяснилось, что вернуться с огнём ещё не значит накормить деревню. Ни один принесённый уголёк не мог приказать хозяину сарая отдать свои доски или заставить промокшее дерево гореть. Помощница видела чужую нужду яснее, чем прежде, но теперь ей предстояло разговаривать, просить и выслушивать отказ. Подобно этому, полученное

знание не действует вместо человеческой Воли. Орден учит ответственности, честности и заботе о тех, кто живёт рядом. Нравственная цена поступка раскрывается в его последствиях для других, а не в наказании, которое будто бы назначает Невыраженное.

Несколько жителей вспомнили о старом сарае выше ручья. Там хранились короткие доски для починки кровель; под плотной крышей они могли оставаться сухими. Один мужчина запротестовал: доски ему понадобятся весной, а обещать взамен никто ничего не сможет. Девушка хотела сказать, что теперь вся деревня зависит от огня, но мастерица предложила сперва посмотреть, нет ли среди досок обломков, непригодных для строительства. Мужчина пошёл вместе с ними. Они нашли узкие обрезки, из которых нельзя было сделать ни двери, ни стропила, зато их хватало для первых часов топки. Никто не объявил чужой запас общим только потому, что возникла нужда. Договорились вернуть хозяину сухое дерево после рынка.

Светоносец в нашей вере передаёт знание о Свете и о возможности Соприкосновения с Невыраженным. Это не значит, что существует тайный сосуд, где первая Божественная душа хранит некий исчислимый запас священной силы. От Земли до далёких звёзд могут простираться неисчислимые пути, и если среди иных миров есть разумные существа, они не обязаны иметь человеческие руки, глаза или слова. Иное сознание может узнавать и выбирать, а значит, обращаться к священной открытости на языке собственной жизни. Земное имя Люцифер дорого нашей традиции, но мы не требуем от

неизвестных существ, чтобы оно было их именем для Первого Свидетеля.

У общей печи тем временем стали появляться соседи с небольшими связками дерева. Один принёс сухие ветви из-под навеса, другой отдал несколько досок, приготовленных для починки скамьи. Помощница заметила, что никто не говорил о чуде: люди просто видели, чего недостаёт, и решали, могут ли помочь. Когда в глубине топки наконец поднялся ровный жар, пекарь взял с полки тяжёлый противень и начал готовить тесто. Старшая мастерица попросила не спешить закрывать заслонку. Ей хотелось, чтобы огонь пережил ночь и утром его не пришлось искать снова за перевалом.

Перед тем как уйти домой, девушка взяла с края печи небольшую глиняную чашку, положила в неё несколько углей и предложила старухе из верхнего дома. Та покачала головой. Её печь была разобрана, а сосед обещал прийти и сложить новую только через два дня. Старуха объяснила: «Значит, сейчас мне нужен не жар, а помощь с камнями». Девушка смутилась: всю дорогу ей казалось, что возвращение огня решит любую нужду селения. Мастерица отставила чашку и попросила двух свободных работников зайти к старухе утром. Один согласился сразу, второй сказал, что сможет лишь после обеда. Их ответы не сделали огонь менее ценным, но показали, сколь различными бывают человеческие нужды.

Первый Свидетель остаётся личным Божественным присутствием, к которому земной верующий обращается с молитвой и благодарением. Когда человек просит о ясности, мужестве или духовном наставлении, его обращение имеет

смысл внутри веры, даже если он не может проследить, каким образом будет воспринят его голос. Он не управляет волей других людей, произнося священное имя. Не получает и права объявлять всякую собственную мысль ответом Люцифера. Между пережитым и его человеческим истолкованием лежит труд различения, к которому следует относиться внимательно. Почитание Первого Свидетеля не делает верующего безошибочным.

Ночью помощница несколько раз просыпалась. Ей слышалось, будто дождь снова бьёт по крыше мастерской, и она прислушивалась, не стих ли общий очаг. Под утро она вышла из дома и увидела дым, поднимавшийся над селением. Печь горела. Внутри пекарь уже вынимал первые хлебы, а возле стены грел ладони мальчик, который вчера кричал, что огонь вернулся. Он спросил девушку, не она ли принесла им новый день. Она засмеялась и ответила, что день пришёл сам, а угли они донесли вдвоём. Мальчик протянул ей горячий хлеб, и она неожиданно поняла, как устала после вчерашней дороги.

Позавтракав на ходу, девушка поднялась к дому старухи, которой накануне не понадобились угли. Возле разобранной печи лежали камни, потемневшие от дождя; на полу оставался след старой трещины. Хозяйка объяснила, что дым уходил в комнату даже в тихую погоду и потому она перестала топить печь ещё до большой бури. Девушка сперва хотела сложить камни обратно, но женщина показала ей перекошенное основание. Если положить новые ряды на него, беда вернётся. Они вынесли из комнаты обломки и расчистили место, стараясь не повредить соседнюю стену.

К середине утра пришёл один из обещавших помочь работников. Он принёс тяжёлую доску, чтобы переносить камни вдвоём, и сказал, что сосед, знающий кладку, сможет заняться печью через два дня, как и собирался. Девушка огорчилась, что старухе придётся ждать. Та ответила, что ей легче ждать в доме, где теперь чисто и приготовлено место для работы. Они договорились принести ей горячую пищу из общей печи вечером. Девушка вышла на улицу с испачканными руками и поняла, что помощь, которую вчера обещали словами, только началась.

К полудню мастерица открыла дверь печной комнаты, чтобы впустить тёплый воздух в сырой двор. Помощница принесла туда тяжёлый сосуд, в котором они переносили угли. На его наружной стенке оставалась тёмная полоса, а края крышки были поцарапаны о камни на перевале. Девушка собиралась вымыть сосуд и убрать на полку, но старшая предложила оставить его до следующей непогоды. Они осмотрели скол у ручки и решили укрепить его глиной после обжига. Вчерашняя дорога завершилась, но её следы требовали заботы. Жар в печи продолжал жить собственной земной жизнью, и ни одна из женщин не могла обещать, что он никогда больше не погаснет.

Писец к этому часу уже написал слово «Светоносец» и несколько следующих строк. Он не знал истории каждой горной деревни и не собирался утверждать, будто подобные земные случаи повторяют первое Божественное событие. Но человеческая жизнь помогала найти осторожный образ: тот, кто принял, может передать, не присваивая источник. На полях он начал было рисовать сосуд с огнём, однако остановился. Маленькая глиняная чаша была хороша для

памяти о зимней дороге; она ничего не сообщала о форме первой Божественной души. Он отложил рисунок, оставив на странице только написанные слова.

В начале мира не существовало земной речи, которой можно было бы назвать Светоносца. Не было человеческих народов, спорящих о его имени, и не существовало отдельного храма, куда первому Свидетелю следовало войти. Было Первое Различие, открывшее возможность явленного; Первый Свет, раскрывший возможность познания; и первая осознающая Божественная сущность, этот Свет воспринявшая. Переданная ею открытость не превратила всё возможное в известное и не уничтожила вечную полноту Невыраженного. Именно поэтому первая душа не названа владыкой завершённого мироздания. Она стала Первым Свидетелем.

Писец несколько раз перечитал последнее предложение. В нём было слово, которое требовало собственного объяснения. Носитель света может быть назван по тому, что он несёт; свидетель же определяется ещё и тем, что ему открылось и что он способен сохранить. У окна кричали уличные торговцы, во дворе кто-то уронил ведро, а солнце поднялось настолько высоко, что тень от переплёта легла на новую страницу. Писец перевернул лист и написал заголовок следующей главы. Перед ним стоял вопрос, к которому нельзя было подойти одной только земной аналогией: что значит быть первым, кто узнал Свет?

II. Первый Свидетель

Писец открыл новую страницу там, где накануне оставил вопрос о первом познавшем Свет. Он хотел начать с торжественного определения, но вспомнил, сколько раз человеческие слова о свидетельствовании расходились с тем, что люди действительно видели. Один уверял, будто присутствовал при событии, о котором узнал лишь на следующий день; другой, испугавшись собственной памяти, умалчивал даже о том, что мог подтвердить. Писец провёл пальцем по пустому полю листа. Священное имя Первого Свидетеля нельзя понять, не задавшись сперва вопросом, чем отличается узнанное от рассказанного и почему само присутствие имеет значение.

В портовом городе, где корабли уходили за низкий каменный мыс, на берегу жил старый лодочник. Он больше не выходил в море далеко, зато каждый день видел суда, прибывавшие с островов, и узнавал их по снастям, форме парусов и манере входить в гавань. Неподалёку поселилась женщина с двумя детьми. Её старший сын нанялся на небольшое рыболовное судно и обещал вернуться к концу недели. В день его возвращения ветер был слабым, море казалось спокойным, и женщина выставила у двери корзину, чтобы сыну было куда положить добытую рыбу.

К вечеру лодочник заметил за мысом лодку с тёмным парусом. Она шла низко к воде и несколько раз меняла направление. Он не мог разобрать на таком расстоянии людей на палубе. Потом судно скрылось за выступом берега, откуда обычно выходили к южным пристаням. Лодочник вернулся к своим снастям. Через некоторое время по городу

распространилась весть, что лодка пропала, и к его дому пришли несколько человек. Женщина держала за руку младшего ребёнка. Её первый вопрос был простым: видел ли он судно, на котором возвращался её сын.

Старик рассказал о тёмном парусе и о том, в какую сторону шла лодка. Кто-то сразу сказал, что это и было пропавшее судно; другой возразил, что у рыбаков встречаются похожие паруса. Женщина попросила повторить, видел ли лодочник, как лодка перевернулась. Старик ответил, что ничего подобного не видел. Один из мужчин возразил: «Но она исчезла». Лодочник уточнил: «За мысом». Он произнёс это негромко, однако женщина услышала различие и переспросила, не могло ли судно укрыться у южной пристани. Старик не знал. Он видел только лодку, поворот и каменный берег, за которым она скрылась.

В ту ночь женщина несколько раз вставала к окну. В памяти звучало слово «исчезла», и всякий раз за ним вставала картина разбитой лодки, которой никто не видел. Она пыталась вспомнить голос старика и возвращалась к его единственной уверенной подробности: судно повернуло к южному берегу. Он не обещал ей благополучного исхода, но и не подтвердил гибели сына. От этой границы было мало утешения; всё же она оставляла место для поисков.

Перед рассветом проснулся младший ребёнок и спросил, не вернулся ли брат. Мать ответила, что его пока нет дома, и присела рядом, пока малыш снова не уснул. Ей хотелось прибавить, что всё непременно обойдётся, но она удержалась. Утром соседка согласилась остаться с ребёнком, если понадобится идти к пристаням. Женщина

поставила на стол приготовленную корзину для рыбы и впервые подумала, что пустая вещь может пугать сильнее любого слуха.

На рассвете женщина пришла к лодочнику снова. За ночь в городе появились разные рассказы. Одни говорили, что рыбаков видели у соседнего острова, другие уверяли, будто ветер внезапно переменялся и унёс лодку далеко на восток. Никто не мог назвать того, кто собственными глазами наблюдал эти события. Старик предложил пройти по берегу до мыса, где видимость была лучше, и посмотреть, не осталось ли там следов высадки. Женщина не хотела уходить от дома, опасаясь разминуться с сыном, но младшего ребёнка взяла соседка, и они отправились вдвоём.

Они шли мимо пустых сетей, сушившихся на кольях. У подножия мыса вода оставила на песке полосу тёмных водорослей. Женщина искала глазами обломки дерева, старик смотрел на береговую линию и места, где обычно ставили лодки на мелководье. Следы старых костров смешивались со свежими, и определить, кто был здесь ночью, оказалось невозможно. Поднявшись выше, они увидели южную пристань. Две лодки стояли там у свай, а третья была вытянута на камни. Ни одна не походила на пропавшее судно. Женщина остановилась и спросила, значит ли это, что надежды больше нет. Лодочник ответил, что они осмотрели лишь то, до чего сумели дойти.

Так и в священном повествовании слово «свидетель» не означает обладателя всех возможных сведений. До первого Божественного восприятия не было другой осознающей души, которая могла бы подтвердить его человеческим способом. Но отсутствие земного очевидца не превращает

Первого Свидетеля в отвлечённый закон или выдуманную должность. Мы почитаем Его как первую осознающую Божественную сущность, воспринявшую Первый Свет. Он есть личность в нашем священном понимании, но её природа не сводится к человеческому лицу, памяти или устройству земного тела. Первое свидетельство относится к началу познания, а не к наблюдению за уже готовым человеческим миром.

У дальнего конца пристани лодочник спросил у сторожа, не приходили ли ночью чужие рыбаки. Тот вспомнил небольшую лодку, причалившую до полуночи, но сказал, что никто не задержался у него, поскольку людей здесь не ждали. Когда женщина назвала имя сына, сторож покачал головой. Он не спрашивал имён и потому не мог ни подтвердить, ни опровергнуть её надежду. Затем он указал на тропу к селению за мысом, где моряки иногда оставляли лодки при плохой погоде. Женщина хотела сразу идти туда; лодочник попросил дать ему время узнать дорогу, чтобы они не заблудились в каменистых расщелинах.

В ожидании проводника она долго сидела на перевёрнутом ящике. Её тревожило, что всем вокруг удаётся рассуждать о корабле спокойнее, чем ей. Старик не попытался убедить её, будто волнение мешает искать истину. Он сел рядом и повторил всё, что видел накануне, без добавлений. Оказывается, лодка не уходила в открытое море, как говорили некоторые; она повернула к южному берегу. Женщина спросила, почему он не сказал об этом раньше. Лодочник ответил, что говорил, но вчера люди слушали главным образом слово «исчезла», пропуская

место, где она исчезла из его зрения. Они замолчали, вспомнив вчерашний вечер.

Сторож предложил ей немедленно нанять лодку и обойти южный берег с моря. Он уверял, что так будет быстрее, хотя сам никогда не заходил в узкую заводь при отливе. Женщина уже поднялась с ящика. Лодочник спросил, знает ли сторож, глубока ли там вода и где лежат подводные камни. Тот признался, что слышал рассказы рыбаков, но не видел входа собственными глазами. Женщина снова села. Ожидание проводника показалось мучительным, однако пускаться в неизвестную бухту на чужой уверенности она не захотела.

Женщина могла искать очевидцев ночного плавания, спрашивать сторожа и слушать тех, кто вышел из моря. Писец, размышляя о первом Божественном свидетельствовании, не мог представить такого же расспроса у начала осознания. Слова «воспринял Первый Свет» не позволяют приписать первой душе человеческие глаза, слух или голос. Они говорят о личном носителе первого священного знания и оставляют открытым вопрос, как совершилось его восприятие. Наше земное имя Люцифер возникло много позднее и не превращает это неизвестное событие в знакомую человеческую сцену.

Проводник оказался молодым сборщиком соли, хорошо знавшим тропы за мысом. Он объяснил, что на другой стороне находится небольшая заводь, почти невидимая с моря. Ночью там могли укрыться рыбаки, которым не захотелось возвращаться против течения. Женщина поднялась сразу. Дорога шла между белёсых камней, и вскоре город остался позади. По пути они встретили

мальчика с пустой корзиной. Он видел, как утром по тропе проходили двое мужчин с мокрыми сетями, но не запомнил их лиц. Женщина спросила, был ли один из них высоким и хромотал ли при ходьбе. Мальчик подумал и сказал, что не заметил этого. Она поблагодарила его, хотя ответ не принёс определённости.

Завет называет первого воспринявшего Свет Свидетелем потому, что знание имеет личного носителя. Не всякое проявленное становится осознанным от одного факта своего существования. События происходили бы и в пустой гавани, если бы там не оказалось лодочника, но никто не сохранил бы их в человеческой памяти. Первое Божественное восприятие не подобно записи в судовом журнале; однако и здесь слово «свидетель» указывает на несводимость осознания к тому, что просто произошло. Там, где прежде не было познающей души, стало возможно священное знание, принятое первым сознанием. Иной человеческий образ может приблизить нас к мысли, но не исчерпать её.

За последним поворотом тропы открылась заводь. На песке лежали мокрые сети, а возле перевёрнутой лодки горел маленький костёр. Женщина увидела спину человека, сидевшего у огня, и узнала одежду своего сына прежде, чем он обернулся. Она бросилась к нему, поскользнулась на мокрых камнях и едва не упала. Молодой рыбак вскочил навстречу. Он был жив, но сильно устал: ночью судно повредило руль о каменистое мелководье, и команда решила переждать в заводи, пока не станет безопасно возвращаться. Сын объяснил, что они собирались отправить гонца, но близлежащая деревня была дальше, чем он думал.

Мать некоторое время не могла говорить и только держала его за плечи.

Юноша показал им сорванную часть руля, лежавшую возле лодки. Ночью команда спорила, стоит ли попробовать выйти снова, пока ветер помогает, но на мелководье скрежетали камни, и старший рыбак запретил рискованный поворот. Сам сын женщины хотел пройти пешком до ближайшего селения, однако в темноте не сумел найти подъём из бухты. Он стыдился, что родные провели ночь в тревоге, и повторял объяснение слишком быстро, словно спешка могла вернуть потерянные часы. Мать попросила его остановиться и сначала согреть руки у костра. О том, кто что видел с берега, они успеют поговорить дома.

Лодочник остановился поодаль. Перед ним стоял тот же молодой человек, которого все искали, и всё же старик не торопился приписывать вчерашнему взгляду больше, чем тот ему сообщил. Он видел лодку, исчезавшую за мысом. Теперь он видел рыбака на берегу. Между двумя наблюдениями лежала целая ночь, которую люди на берегу прожили иначе, чем те, кто укрылся в заводи. Старик помог поднять мокрые сети и спросил юношу, как именно они вошли в бухту. Услышав ответ, он впервые узнал обстоятельства, которых не мог видеть со своей стороны мыса.

Ни одно живое свидетельство не становится ложным лишь потому, что оказалось неполным. Старик не ошибся, когда говорил о лодке с тёмным парусом; ошибкой было бы утверждать, будто он видел гибель команды. Но сама встреча с вернувшимся рыбаком ещё не давала лодочнику права описывать все ночные события: для этого следовало

выслушать тех, кто в них участвовал. Человеческое знание складывается из пересечений памяти, доверия и проверки. Мы можем научиться осторожности, когда рассказываем о своём духовном опыте, не превращая эту осторожность в сомнение в самой возможности его пережить.

На обратной дороге сын шёл рядом с матерью, а лодочник нёс часть его тяжёлых снастей. Женщина спросила, отчего юноша не попытался вернуться немедленно. Тот ответил, что боялся разбить лодку о камни окончательно. Мать сказала, что всю ночь ждала его у окна, и он смутился, будто мог задним числом исправить её тревогу. Лодочник предложил им не продолжать разговор посреди тропы. В городе их ждали другие вопросы и новые рассказы; лучше сначала дойти домой и дать человеку поесть. Женщина кивнула, но руку сына до конца дороги так и не отпустила.

Когда они вернулись к гавани, возле лодочного сарая уже собралась толпа. Люди окружили рыбака и спрашивали, не видел ли он бурю у далёкого острова, не столкнулся ли с чужим судном, не слышал ли ночью криков со стороны моря. Он ответил только на то, что действительно произошло с его лодкой. Из толпы кто-то предположил, будто необычное течение было предупреждением свыше. Лодочник не стал спорить о чужой молитве. Он лишь попросил не превращать рассказ рыбака в свидетельство о том, чего рыбак не видел. Сын посмотрел на него с благодарностью, а затем ушёл с матерью домой.

Дома мать только тогда заметила, что корзина по-прежнему стоит у двери. Сын улыбнулся и сказал, что

рыба осталась на судне, а сам он голоден сильнее, чем за всю прошлую неделю. Она достала хлеб и поставила воду греться. Младший ребёнок расспрашивал брата о тайной пещере, где будто бы ночевали моряки: за утро слух успел сменить и место, и обстоятельства происшествия. Юноша рассказал ему про открытую заводь и сломанный руль, а затем попросил отложить вопросы до завтра. Мать не стала исправлять каждую детскую догадку. Ей было достаточно, что сын сидит рядом.

Почитание Свидетеля требует от верующего особого внимания к границе между воспринятым и приписанным. Человек может после молитвы почувствовать спокойствие, вспомнить забытое решение или найти мужество для разговора, которого избегал. Его переживание заслуживает серьёзного отношения. Но сказать «я пережил это» не значит автоматически доказать, что известен путь, которым Божественное знание стало доступным сознанию, или что одна и та же мысль должна быть обязательной для каждого. Первый Свидетель не превращает любое человеческое толкование в непогрешимый закон. Орден вправе хранить и передавать своё учение, не присваивая себе власть над чужой совестью.

На следующий день старик нашёл у пристани женщину, которая первой принесла весть об исчезнувшей лодке. Она извинилась, что повторяла вчера чужую догадку как установленный факт. Он ответил, что город жил слухами дольше, чем ожидал, и что сам мог говорить точнее. Они постояли возле воды. У самого берега колыхалась сеть, которую кто-то не успел убрать на сушу. Женщина предложила помочь её свернуть, чтобы не намочило вновь.

Старик взял один край, она другой, и разговор кончился обыкновенным делом, которому не требовалось никаких торжественных слов.

Старик мог пересказать две достоверные части истории: лодку, ушедшую за мыс, и юношу, найденного в заводи. Для матери этого оказалось важнее самых уверенных слухов, потому что между двумя частями не лежала выдуманная гибель. Но Божественного Первого Свидетеля вера почитает не как особенно внимательного земного наблюдателя. Он есть первая осознающая душа, которая восприняла Свет; к Нему обращаются лично, с благодарностью и молитвой. Слово «Свидетель» помогает говорить об осознании, но не описывает Его природу по образцу лодочника.

Писец перечитал написанное утром. Слова о Первом Свидетеле теперь не казались ему одним только торжественным званием. Он вспомнил, как отец некогда исправил имя девочки, и как сам много лет спустя учился сохранять чужие свидетельства, не заменяя их собственными предположениями. Но ему предстояло ещё понять, почему даже первое Божественное знание не превращает всю глубину Невыраженного в закрытую книгу. На столе лежал лист с несколькими пустыми строками. Писец повернул его к окну: свет падал на написанное ровно, но за краем страницы всё ещё оставалось то, чего он не знал.

III. Свет, не уничтожающий тайну

Писец заметил, что чем больше он говорил о Первом Свидетеле, тем настойчивее спрашивали слушавшие его люди, не означает ли это, что всякая тайна когда-нибудь непременно будет раскрыта. Одни представляли знание бесконечной дорогой, на которой достаточно пройти ещё немного, чтобы увидеть последнее здание за поворотом. Другие боялись, что если у истины останется скрытая сторона, само почитание Света станет сомнительным. Он выслушивал их, не торопясь отвечать. За окном начинался день, и улица постепенно наполнялась голосами. Из дальнего двора доносился звук колеса, которое не могло сдвинуться с места; мальчик, помогавший возчику, кричал, что знает, в чём дело, ещё прежде, чем увидел сломанную ось.

В известняковых холмах за другим городом жила женщина, показывавшая путникам дорогу к холодным источникам. Она знала ущелья, переправы через ручьи и места, где после сухого лета ещё можно было наполнить кувшин. Однажды её младший брат рассказал, что за пустынным склоном обнаружил вход в пещеру. Из глубины тянуло прохладой, а если приложить ухо к камню, слышался глухой шум воды. Брат хотел войти туда немедленно, надеясь найти новый источник. Женщина предложила дожждаться утра и взять верёвку, лампу и человека, который сможет остаться у входа. Брат досадовал на промедление, но согласился.

На рассвете они пришли втроём. Третий спутник, пожилой возчик, не любил тесных мест и сразу сказал, что

внутри не пойдёт. Он закрепил конец верёвки возле выступа скалы и устроился там, где видел обоих. Женщина зажгла лампу и первой спустилась на несколько ступеней, вымытых водой в мягком камне. Брат шёл следом и считал шаги, чтобы потом рассказать друзьям, как далеко они проникли. За последним освещённым поворотом воздух пах влажной землёй; капля упала с потолка и оставила маленький круг на его рукаве. Брат хотел пройти быстрее, но женщина попросила остановиться и послушать, откуда идёт шум.

Лампа сделала видимыми стены, которых снаружи нельзя было различить. Её пламя не расширило пещеру и не превратило неизвестные ходы в известные. В конце коридора темнота оставалась такой же глубокой, как прежде. Эта простая разница знакома всякому, кто когда-либо входил с огнём в тёмную комнату. Но Первый Свет не является пламенем и не движется по каменному проходу. Вера говорит о священном начале познания, о том, что явленное может стать доступным сознанию, не теряя всей своей глубины. Возможность узнавать не равна обещанию узнать всё.

Женщина подняла лампу к стене. На известняке виднелись белые жилы и следы старой воды. Внизу лежала мелкая галька, по которой бежала тонкая струя. Брат нагнулся и коснулся её ладонью: вода была холодной и чистой на вид. Он объявил, что нашёл исток ручья, проходящего мимо их дома. Женщина не согласилась. Они знали, где вода выходила на поверхность в долине, но не видели её пути под холмами. Брат напомнил о похожем вкусе и о холоде источника. Она признала сходство и

предложила собрать наблюдения, прежде чем рисовать на карте невидимую реку.

Брат вытер руку о рукав и ещё раз посмотрел на тонкую струю. Ему хотелось связать её с известным источником так сильно, что он уже представлял, где проведёт на карте уверенную линию. Но сходство воды не показывало скрытого пути под холмами. Так и слова о Первом Свидетеле требуют осторожности. Он первым воспринял священную открытость Света, однако отсюда не следует, что в одном событии были исчерпаны все возможности вечного Невыраженного. Начало познания не стало концом тайны.

Они прошли дальше вдоль ручья, пока путь не раздвоился. Справа вода уходила под низкую каменную полку, слева коридор поднимался к месту, где с потолка свисали светлые известковые образования. Брат уверял, что можно проползти под полкой и посмотреть, куда ведёт вода. Женщина опустилась на колени, осветила щель и увидела за ней только мокрые камни. Шум казался ближе, но сам путь скрывался за поворотом. Верёвки хватало ещё на несколько шагов. Она подумала о человеке, ожидавшем снаружи, и сказала, что им следует вернуться к развилке, прежде чем расходиться по неизвестным ходам.

Брат рассердился. По его словам, они пришли затем, чтобы исследовать пещеру, а не стоять перед каждой тёмной трещиной. Женщина ответила, что исследование не становится менее настоящим оттого, что человек умеет вовремя остановиться. Он хотел возразить, но увидел, что у её лампы заметно уменьшилось пламя. Запас масла был ограничен. Они поставили на камень небольшую метку из

трёх плоских обломков, чтобы узнать место при следующем посещении, и повернули назад. Выйдя к развилке, женщина ещё раз показала брату тонкую струю: этого было достаточно, чтобы запомнить новое открытие и не придумывать продолжение, которого они не видели.

Человеческое неведение иногда унижает того, кто привык считать себя хозяином ответов. Но бывает и другое: незнание сохраняет открытой возможность более точного вопроса. Не нужно объявлять каждую скрытую сторону мира непостижимой навсегда. Можно возвращаться, проверять, учиться и открывать новые проходы. Невыраженное же в нашем священном понимании неисчерпаемо глубже любой земной пещеры. Оно не является пустотой, которую однажды можно заполнить всеми найденными знаниями; его возможные пути не сводятся к уже наблюдаемым вещам. Первый Свет не упраздняет этой глубины.

Когда они вышли из пещеры, солнце поднялось над холмами. Возчик сидел возле уступа и чинил ремешок на сумке. Увидев их, он сразу спросил, нашли ли они воду. Брат сказал, что нашли, и принялся рассказывать о подземной реке, которая наверняка питает их долину. Женщина остановила его на слове «навверняка» и объяснила, что слышала течение и видела небольшую струю, но не знает её происхождения. Возчик посмотрел на испачканные рукава брата и спросил, много ли воды они сумели набрать. Оба показали маленькие сосуды. На несколько глотков хватило бы, но наполнить деревенские кувшины так ещё было нельзя.

Они вернулись домой не с открытым великим источником, а с несколькими наблюдениями. Брат поначалу считал поход неудачей. Потом женщина вынула карту и предложила отметить вход в пещеру, длину пройденного коридора и развилку. Они спорили о расстоянии: брат считал шаги, но несколько раз сбивался, когда пригибался под потолком; женщина помнила изгибы, зато не могла восстановить их длину. На карте появилось короткое изображение хода, обрывавшееся у двух тонких линий. Брат хотел соединить его с соседним ручьём пунктиром. Она оставила между ними чистое место, потому что никакой линии там ещё не видела.

Человек способен принять белое место на карте за досадный недостаток. Но оставленное без выдуманной черты, оно хранит границу между действительным знанием и догадкой. Так бывает и с нашими речами о Первом Свидетеле. Мы называем Его Люцифером и почитаем первую Божественную душу, воспринявшую Первый Свет. Мы не можем по имени установить устройство Его восприятия, измерить духовное расстояние или составить исчерпывающий перечень способов, которыми знание становится доступно другим осознающим существам. Там, где такого знания нет, красивый образ не должен выдавать себя за описание действительного механизма.

Брат долго смотрел на карту, потом попросил оставить ему маленькую копию. Он собирался показать её людям, которые добывали камень в соседнем ущелье. Женщина согласилась, но попросила не дорисовывать непроверенные соединения. Брат заметил: «Тогда они скажут, что мы ничего не нашли». Сестра ответила: «Скажи, где мы были, и

они увидят, что этого уже немало». На следующий день он отнёс рисунок каменотёсам. Один из них вспомнил другую маленькую пещеру выше по склону; второй сказал, что там вода пропадает под камнями и не появляется в долине. Вместо спора о том, кто прав, они условились встретиться у нового входа через несколько дней.

Накануне новой вылазки один из каменотёсов пришёл к ним за верёвкой и долго разглядывал черновик. Он спросил, почему обозначена только часть пещеры, если люди уже слышали об открытой подземной реке. Брат смутился: это преувеличение могло начаться с его собственного рассказа у колодца. Женщина предложила показать гостю мешок с образцами камня и отметки расстояний. Тот проверил узлы на шнуре и сказал, что не станет спорить с тем, чего они пока не видели. Зато для следующего осмотра посоветовал взять короткий шест: им удобнее проверять глубину щелей, не приближая к ним лицо.

В назначенный день к пещере пришли четверо. Женщина принесла больше масла и длинный шнур с узлами, по которым удобнее было отсчитывать пройденное расстояние. Они осмотрели левый коридор, почти незаметный при первом посещении. Он оказался коротким и закончился глухой стеной. Брат разочарованно провёл по ней рукой: в воображении он уже видел там проход к просторной подземной реке. Зато ниже обнаружилась узкая щель, через которую вода стекала в другую сторону. Каменотёс присел возле неё и сказал, что под уступом могут лежать пустоты, но ковырять камень здесь опасно. Они запомнили место и не стали рушить стену ради догадки.

На обратном пути женщина заметила, что брат перестал считать каждый тупик обманутым ожиданием. Он рассказывал о размере камней, высоте свода и о том, как изменялся шум воды. Там, где раньше ему хотелось услышать одно громкое подтверждение собственной догадки, теперь возникало несколько точных вопросов. Они не нашли большого источника, способного снабдить водой деревню, но изучили вход в пещеру и открыли возможность следующего исследования. Дома брат сам стёр с черновой карты линию, которой прежде соединял неизвестные подземные ходы. На чистом месте оставался маленький след от угля.

Вечером один из соседей принёс к ним пустой кувшин и попросил сказать, скоро ли можно будет брать воду из новой пещеры. Он слышал, будто там нашли большой источник, и уже пообещал жене отказаться от дальней дороги к старому колодцу. Брат хотел объяснить, как устроены ходы, но увидел, что человек ждёт прежде всего короткого ответа. Тогда он показал ему нанесённую на карту струю и её приблизительную ширину. Брат сказал: «Для одного кувшина в ясный день её, может быть, и хватит. Для деревни пока нет». Сосед ушёл недовольный, однако перестал говорить о найденной реке как о готовом спасении.

Знание меняет того, кто его принимает, но не потому, что Вселенная назначает ему нравственный приз или наказание. Свет открывает возможность распознавать, а Воля выбирает, как распорядиться увиденным. Один использует знание ради заботы, другой ради власти, третий для тихой работы, о которой никто не узнает. Орден

стремится воспитывать честность и уважение к свободе другого, но эти качества не падают в душу сами собой после духовного переживания. Первый Свидетель передаёт знание о Свете и Соприкосновении с Невыраженным, не отменяя труда живущих. Необходимость такого труда не является мерой недостойнства знания; это условие нашей жизни среди других существ.

Когда в долине наступила жара, вода в открытых колодцах стала убывать. Люди спрашивали женщину, не пора ли снова отправляться в пещеру с большими сосудами. Она отвечала, что на известном участке ручей слишком мал, а дальний ход ещё не изучен. Вместо того чтобы обещать спасительный источник, она предложила проверить старые канавы, по которым во время дождя собиралась вода. Несколько соседей поддержали её и вышли к полям. Брат пошёл вместе с ними, но вечером вернулся к карте и долго смотрел на незаполненный участок, где под холмом исчезал тонкий ручей. Он больше не считал эту пустоту доказательством, что искать там нечего.

Работая у старой канавы, брат заметил под травой перекошенную деревянную заслонку. Когда-то ею направляли дождевую воду к нескольким грядкам, но теперь доска застряла в иле, и после каждого ливня поток уходил поперёк дороги. Он позвал двух соседей, и они очистили желоб. Работа заняла почти день; к вечеру у них болели плечи, а в яме лежали горы мокрых корней. Нельзя было назвать это открытием великого источника. Зато первый осенний дождь они встретили с исправной канавой.

Брат подумал, что знание неизвестного хода не освобождает от заботы о том, который уже виден.

Когда люди в долине обсуждали карту, брат всё чаще слышал, как по-разному они понимают одни и те же линии. Каменотёс думал о безопасности свода, земледelec о воде для полей, сестра о том, какие места можно показать путнику без риска. Никто из них не становился владельцем невидимой реки из-за того, что ясно представлял нужный ему путь. Писец видел в этом напоминание ищущему Соприкосновения с Невыраженным: пережитая ясность может быть драгоценной, но её человеческое толкование остаётся ограниченным. Ни карта, ни молитва не дают нам права описывать неизвестный способ передачи священного знания как уже проверенное устройство.

Поздней осенью брат снова вышел к пещере, на этот раз один до самого входа. Он не собирался спускаться без спутника и остановился там, где свет падал на первые каменные ступени. Из глубины по-прежнему доносилось течение. Он знал место развилки, помнил левый тупик и мокрую полку справа. За ними оставались ходы, куда ещё никто из их небольшой группы не заходил. Брат положил ладонь на холодную стену, будто приветствуя старого знакомого, потом вытащил из сумки карту и проверил, не размылся ли рисунок от сырости. Он вернулся домой до темноты, не прибавив ни одной линии к известному.

Вернувшись домой, он застал сестру за столом с новой картой долины. Она перенесла на неё проверенные ими сведения и оставила прежние пустые участки. Брат рассказал, что у входа шум воды звучит почти так же, как весной, и спросил, следует ли добавить эту подробность.

Сестра показала отдельное место для наблюдений, где отмечали время года и погоду. Они не дорисовали коридор, которого никто не проходил, но записали ещё одну вещь, которую можно будет сравнить со следующим посещением. Брат впервые увидел, сколько работы помещается в карте без новой красивой линии.

Писец опустил перо на край своей страницы. Пещера, в которой человек узнаёт новый поворот, вовсе не исчерпывает вечного Невыраженного; земной опыт остаётся только образом. Но он учит уважать предел собственной карты. Первый Свет не уничтожает тайну, потому что возможность познания не есть окончание всего возможного. Первый Свидетель был первой осознающей Божественной душой, воспринявшей Свет, и в этом Его священное первенство. Всё же ни земное имя Люцифер, ни людская молитва, ни даже самый ясный образ не превращают неисчерпаемую глубину в законченное владение. За открытым остаётся ещё открывающееся.

На последнем листе писец оставил не пропуск, который следовало немедленно заполнить, а свободное поле для дальнейшей работы. Он вспомнил, как ребёнком видел у отца страницы с пометками на полях: одни мысли принадлежали переписчику, другие приходили от тех, кому он помогал. В памяти сохранилось не количество строк, а то, что между ними можно было различать чужое и своё. Теперь писец задумался, сколь по-разному человек способен обращаться к Первому Свидетелю: благодарить, просить наставления, хранить молчание, искать пример для собственной Воли. Одно почитаемое Божественное присутствие не сводилось к единственной человеческой

формуле. Он закрыл тетрадь, чтобы не продолжать разговор, для которого пока ещё не выбрал верных слов.

IV. Пять обращений к Свидетелю

Писец долго не раскрывал тетрадь после того, как закончил рассказ о незнакомой пещере. Ему казалось, что он достаточно сказал о границах знания, но оставался вопрос, с которым люди приходили к нему чаще, чем с рассуждениями о начале мироздания. Один молился Первому Свидетелю, когда не мог решиться на трудный разговор. Другой обращался к Нему после смерти близкого, не находя слов для благодарности или просьбы. Третий искал знания и сердился, если вместо ясного ответа получал необходимость думать дальше. Писец записывал эти обращения отдельно, потому что каждое принадлежало определённому человеку. Теперь он хотел понять, как говорить о различии между ними, не разделяя саму Божественную личность на части, удобные для человеческих ожиданий.

В одном городе, где дома поднимались по склону тесными уступами, стояла небольшая комната для чтения и молитвы. Её устроили в бывшей мастерской, когда хозяин оставил помещение жителям соседних дворов. Вдоль северной стены тянулись полки, собранные из неодинаковых досок; напротив находились пять высоких окон, которые выходили к крышам, саду и дальнему холму. Комната служила по-разному. Здесь читали вслух тем, кто не знал букв, встречались после тяжёлой работы, сидели в молчании, а по вечерам иногда произносили молитвы Первому Свету и Люциферу, Первому Свидетелю. Никто не выдавал этот скромный дом за место, где однажды совершилось первое откровение. Люди собирались в нём

потому, что им было необходимо пространство, где можно говорить и слушать без крика улицы.

К началу холодов оконные створки перекошились. Ветер проникал в щели, а одна петля держалась на гвозде, который уже можно было вынуть пальцами. За ремонт взялась столярка по имени Мира. Ей помогал молодой работник Лорен, недавно вернувшийся в город после нескольких лет учения у дальнего мастера. Он быстро измерил проёмы и предложил изготовить пять одинаковых створок: так было бы проще подобрать доски и закончить дело до первых заморозков. Мира велела ему сначала снять старые ставни и осмотреть рамы. Она подозревала, что стены осели неодинаково, и новая работа могла оказаться такой же недолговечной, как прежняя.

В первую половину дня они сняли две створки. На одной сохранился след руки прежнего мастера, оставленный когда-то в свежей краске; другая была изогнута так сильно, что её нельзя было закрыть без удара плечом. Лорен положил обе на козлы и начал отмечать участки, которые следовало заменить. За работой их застала смотрительница комнаты, пожилая женщина с усталым голосом. Она принесла горячую воду и спросила, успеют ли они к вечернему чтению. Мира ответила, что сегодня получится оставить открытыми лишь три окна, остальные придётся закрыть досками. Смотрительница огорчилась, но не стала торопить мастеров: однажды здесь уже пытались исправить перекося за час, и после первой же бури стекло лопнуло.

Лорен заметил на столе пять маленьких деревянных табличек. Надписи были сделаны разными почерками. Лорен разобрал только отдельные слова: одни посетители

писали на местном наречии, другие приносили слова из родных мест. Смотрительница объяснила, что это названия, предложенные посетителями для новых окон. Одни хотели посвятить их памяти о Первом Свидетеле, другие просили изобразить пять Его ликов, чтобы каждый человек обращался к тому, который ближе его нужде. Лорен спросил: «Разве у Него пять лиц?» Женщина покачала головой. Сами таблички она оставила только для разговора: ни образов, ни названий община не принимала, а спор начался прежде, чем кому-либо удалось договориться о значении слова «лик».

Человеческая речь любит делить непостижимое на знакомые стороны. Мы называем Первого Свидетеля Светоносцем, вспоминаем Его первенство в познании Света, благодарим за знание, которое Он открыл другим, и обращаемся к Нему в молитве. Так мы выражаем разные стороны своего отношения к Нему, не утверждая, будто в Божественной душе существуют отдельные силы, каждая со своей волей. Люцифер есть единый Первый Свидетель, первая осознающая Божественная душа, воспринявшая Первый Свет. Различия принадлежат нашему пониманию, а не Его природе.

К полудню пришла женщина в тёмном платке. Её звали Адина; прежде она приходила в комнату вместе с мужем, теперь уже несколько месяцев садилась у дальнего окна одна. Она осторожно переступила через стружку и попросила впустить её хотя бы на короткое время. Смотрительница проводила её к скамье, а мастера продолжали работу во дворе. Сквозь открытую дверь Лорен слышал, как женщина долго устраивала на коленях

сложенный платок. Потом наступила тишина. Она не читала вслух и не просила никого оставить её одну, только сидела, пока с улицы доносились удары рубанка.

Лорен спросил Адину, зачем приходить в прохладную комнату, если можно молиться дома. Женщина сначала посмотрела на него с раздражением, но затем заметила его смущение и ответила, что дома каждая вещь напоминает о том, кого больше нет. Здесь она может хотя бы некоторое время говорить не только с собственной памятью.

Адина сказала: «Я прошу Первого Свидетеля услышать меня». Она поправила сложенный платок и продолжила: «Мне никто не обещал, что муж вернётся или что боль уйдёт к следующему месяцу. Но если я перестану обращаться к тому, кого почитаю, то и скорбь станет единственным голосом в доме».

Лорен не нашёл ответа. Когда Адина вышла, Мира попросила его подать тонкий клин для рамы и не стала объяснять чужое горе за женщину.

Личное почитание Свидетеля не исчерпывается рассказом о далёком первом событии. Для верующего Люцифер остаётся Божественным присутствием, к которому возможно обращение. Человек приносит в молитву благодарность, надежду, растерянность и даже горький вопрос, которого стыдился бы перед соседями. Мы не знаем устройства, посредством которого духовное обращение встречается с Божественным знанием; неизвестность эта не превращает молитву в пустую речь. Однако ни скорбь Адины, ни чья-либо радость не дают права объявить определённый земной исход обещанным Свидетелем.

Священное обращение сохраняет своё достоинство и тогда, когда у человека нет власти над происходящим.

После обеда к комнате привели мальчика, который после тяжёлой болезни почти полностью потерял слух. Его сестра показывала ему написанные слова и помогала читать по движению губ, но длинная молитва оказалась слишком трудной. Смотрительница предложила сесть у окна, где было больше дневного света. Лорен принёс скамью, а Мира убрала инструменты, чтобы мальчик мог пройти, не спотыкаясь. Сестра открыла книгу на знакомом месте. Мальчик прочёл несколько строк, остановился и попросил не продолжать, пока он не разберёт непонятного слова. Сестра терпеливо объяснила его значение, а затем спросила, что он понял сам.

В тот день никто не получил новую священную формулу. Зато мальчик узнал смысл слова, которое вчера лишь повторял за другими. Теперь он мог возвращаться к странице самостоятельно: ему уже не требовалась чужая подсказка при каждой строке. Вера почитает Первого Свидетеля как того, кто первым воспринял Свет и передал знание о нём другим; земное обучение не раскрывает тайны того, как передаётся знание о Первом Свете, но помогает понять, какую ответственность несёт тот, кто его принял. Слово, остающееся непонятным, ещё не стало собственным достоянием читающего. Когда человек научился спрашивать и различать, его путь уже нельзя полностью пройти за него.

Лорен смотрел, как брат с сестрой выходят во двор. Он вспомнил, что когда сам учился плотничать, старый мастер терпеливо показывал ему, под каким углом вести стамеску.

Спустя годы Лорен иногда сердился на ученика, который не мог повторить движение с первого раза. Теперь ему стало неприятно от этой памяти. Вечером он достал кусок ненужного дерева и показал мальчику из соседнего дома, как размечать прямой угол. Тот дважды ошибся, вытащил гвоздь и попросил попробовать снова. Лорен не забрал инструмент из его руки. Мира, проходя мимо, заметила эту перемену, но промолчала.

На следующее утро пришёл путник, задержавшийся в городе из-за поломки повозки. Он говорил на языке, который смотрительница знала лишь отчасти. При нём была маленькая тетрадь с молитвенными строками, переписанными его матерью. Путник объяснил через Лорена, немного знавшего его речь, что в родном доме они обращались к священному Свидетелю другим словом. Он хотел узнать, должен ли теперь отказаться от привычного обращения, раз здесь имя Люцифер произносят вслух. Смотрительница не взялась переводить всё, чего не понимала, и попросила гостя прочесть тот отрывок, который он может объяснить своими словами.

Пока они разговаривали, Мира укрепляла третью раму. Она слышала знакомое имя в речи путника только один раз; остальное оставалось ей чужим. Смотрительница ответила ему, что для их земной традиции Люцифер есть священное имя Первого Свидетеля, но звук имени не исчерпывает Божественного присутствия. Она не могла удостоверить истинность каждого слова в чужой тетради и не стала этого делать. Гость сам решит, как молиться, узнав, кого здесь почитают. Он поблагодарил её и попросил оставить ему на

листке написание имени местного учения, чтобы не перепутать буквы по памяти.

Мира слышала разговор, которого не понимала до конца, и заметила, что ни гость, ни смотрительница не притворяются знатоками чужого языка. Имя Люцифер было ей дорого; всё же она видела, что человек из другого дома бережёт слова своей матери и не просит хозяев отказаться от их собственных слов. Первая Божественная душа существовала прежде земных языков. Мира не могла знать, какими именами обращались бы к ней иные осознающие существа, если они есть за пределами Земли. Сейчас ей было достаточно не портить чужую молитву поспешной догадкой о её смысле.

К вечеру третьего дня выяснилось, что починка затянется. За четвёртой створкой Мира обнаружила сгнивший конец балки, который прежние хозяева скрыли под толстым слоем краски. Если прикрепить новую петлю к этому месту, створка могла сорваться и ранить стоящего под окном. Лорен предложил закрепить петлю выше, где дерево казалось крепче. Мира вогнала в балку тонкое шило, и оно ушло почти до рукояти. Тогда они разобрали наружную обшивку и увидели, что гниль проникла дальше. Смотрительница расстроилась из-за расходов. Она предложила оставить окно забитым на всю зиму, но Мира объяснила, что повреждённая балка держит часть крыши и её всё равно необходимо заменить.

В разговор вмешался молодой торговец тканями, который принёс деньги на новые доски. Он попросил впредь называть его имя перед каждым чтением: жертвовать, по его мнению, было бессмысленно, если никто не узнает, чей

дар спас помещение. Смотрительница ответила, что его помощь будет записана в книге расходов и о ней скажут людям, однако ежедневное молитвенное обращение нельзя превращать в плату за строительные материалы. Торговец обиделся и хотел забрать кошель. Лорен, слышавший разговор, спросил его, готов ли он позволить балке рухнуть из-за того, что благодарность не будет звучать столько раз, сколько он потребовал. Мужчина постоял, потом положил деньги обратно на стол и попросил показать смету, прежде чем уйти.

Смотрительница открыла книгу расходов и аккуратно вписала пожертвование торговца. Она записала, сколько стоили доски и кто вызвался привезти их к комнате. Лорен спросил, следует ли всё-таки поблагодарить дарителя при вечернем чтении. Смотрительница ответила: «Конечно, следует». Она показала Лорену записанную строку и добавила: «Только я не стану повторять его имя перед каждой молитвой в уплату за дерево. Благодарность за помощь нужна живым людям, а молитву нельзя продавать». Лорен видел, что торговец может быть щедрым и обидчивым одновременно. Разобраться с этим им предстояло самим, без выдуманного приговора от Первого Свидетеля.

На четвёртый день вместе с новыми досками пришёл помощник торговца. Работая у открытого проёма, он рассказал Лорену, что недавно молился о решении тяжёлого дела. После молитвы ему пришла мысль отказаться от честно заключённого соглашения, потому что оно стало невыгодным. Теперь он уверял, что Свидетель показал ему иной путь и прежние обещание утратило силу.

Лорен почти повторил слова смотрительницы о молитве и плате, но Мира остановила его и попросила сперва узнать, о чём именно речь. Выяснилось, что помощник обещал отдать соседу часть выручки за совместную перевозку, а теперь хотел оставить деньги себе, поскольку большую часть дороги управлял лошадью один.

Мира выслушала его объяснение и спросила, знает ли сосед о перемене решения. Тот признался, что ещё не говорил с ним. Мира сказала: «Возможно, ваш уговор был несправедливым. Но если вы хотите его изменить, поговорите с человеком, который вам доверился. Что бы вы ни пережили после молитвы, сосед не обязан принимать ваше толкование как приказ для себя». Помощник долго молчал, затем попросил Лорена отпустить его на час. Он вернулся не с новой молитвенной формулой, а с запиской, где предложил соседу встретиться вечером и пересчитать работу обоих.

Когда помощник торговца ушёл, Лорен всё ещё держал в руках узкую доску, которую собирался отмерить. Ему самому не раз хотелось оправдать ошибку голосом наставника, чтобы больше никто не спорил. Мира сказала, что сосед может не согласиться на новый расчёт, и тогда разговор продолжится. Даже искреннее чувство, пережитое после молитвы, не упраздняет права другого человека отвечать за свою долю дела. Как именно духовное знание становится доступным сознанию, оставалось тайной. Зато было ясно, какой вред можно причинить, выдавая собственное желание за распоряжение Люцифера.

Когда повреждённую балку наконец вынули, Мира заметила на её нижней стороне неглубокую резьбу. Там

были вырезаны имя и год, оставленные строителем давней мастерской. Конец доски сгнил, но несколько букв сохранились. Лорен уже занёс её к куче отходов, однако смотрительница попросила остановиться. Она знала, что это имя принадлежало человеку, передавшему помещение соседям, и хотела сохранить хотя бы то, что ещё можно прочесть. Мира отрезала испорченный участок, оставшуюся часть очистила и прислонила у стены. В новую балку они не стали врезать прежнее имя заново: чужой труд имел право на собственный след, а новую работу следовало отметить отдельно.

Лорен присел возле обрезка доски. Он подумал, как легко было бы строгать его, не заметив букв, и как странно сочетаются в работе освобождение от гнили и сохранение того, что достойно памяти. Смотрительница протёрла резьбу сухой тряпкой. Ей вспомнился прежний хозяин, который в последние годы жизни не мог подниматься по лестнице и просил оставлять нижнюю дверь незапертой. Она рассказала о нём без торжественности, упомянув также его упрямство и привычку спорить с каждым, кто переставлял мебель. Сохранившееся имя не делало человека безупречным и оттого не становилось менее нужным.

К пятому вечеру все окна были укреплены, но одинаковыми не получились. С южной стороны створки пришлось повесить немного выше, потому что стена осела; крайнее окно открывалось внутрь, иначе его цепляла соседская крыша. Лорен сперва хотел скрыть различия широкой резной накладкой, но Мира отговорила его тратить на неё оставшееся дерево. Каждое окно работало, и этим

задача была решена. Подоконники они выровняли там, где людям предстояло класть книги. Таблички с пятью предполагаемыми ликами так и остались на столе: никто не смог честно назвать их изображением пяти свойств Божественной души.

Вечером жители вошли в тёплую комнату. Адина села на своё прежнее место; брат и сестра раскрыли книгу у окна; путник, починивший повозку, задержался ещё на одно чтение. Торговец тканями принёс оставшуюся доску, за которую уже заплатил, а его помощник коротко сказал, что встретился с соседом и разговор оказался труднее, чем ожидалось. Люди не молились одинаковыми словами. Смотрительница начала чтение о Первом Свете, затем произнесла священное земное имя Первого Свидетеля. После общих слов наступило молчание, в котором никто не должен был повторять за другим его личную просьбу.

Тогда Лорен понял, для чего ему понадобился разговор о пяти ликах. Один и тот же Свидетель был для Адины личным присутствием, к которому она обращалась в скорби; для мальчика Он оставался первым носителем знания, которое следовало терпеливо узнавать; путник искал близость одного Свидетеля через язык собственного дома; торговец услышал вопрос о цене признания; его помощник должен был отличить духовную надежду от власти над чужим обещанием. Никто из них не обладал иной частью Люцифера, недоступной соседу. Различались людские положения перед единым Божественным присутствием, а вместе с ними слова, надежды и дела, с которыми люди выходили за порог.

Окна в комнате были разными, и каждое открывало свой вид. Но ни одно не открывало отдельного Свидетеля. Пять обращений принадлежали пятерым людям, а не пяти частям Божественной личности Люцифера. Скорбь, вопрос, память, жажда признания и трудный выбор не превращались в Его свойства оттого, что их приносили к Нему. В другой вечер здесь прозвучали бы новые слова, и никто не смог бы назначить им шестой лик. Первый Свидетель оставался одним. Человеку же следовало различать в собственном обращении надежду, полученное знание и решение, за которое он отвечает сам.

После чтения Мира проверила последнюю задвижку. Она шла туго, и Лорен принёс немного масла, чтобы ослабить трение. Смотрительница решила оставить на стене старую доску с вырезанным именем строителя, пока не найдёт ей подходящего места. Люди постепенно разошлись. Адина задержалась у двери и поблагодарила мастеров; её благодарность была обращена к ним, и никто не потребовал произнести её перед общиной. Лорен закрыл ставни и убедился, что ветер больше не раскачивает рамы. Только теперь он заметил, что поцарапал ладонь, когда работал с новой балкой. Взяв кусок чистой ткани, он перевязал руку.

Вернувшись к своему столу, писец прочёл запись о пяти обращениях и дважды зачеркнул прежнее слово, которым собирался назвать пять отдельных сил Свидетеля. Оно слишком легко превращало различие человеческого опыта в устройство Божества. Вместо него он сохранил рассказ о людях, для которых один и тот же Свидетель значил разное, оставаясь единым. Писец не стал окружать священное имя изображениями пяти ликов Первого Свидетеля, о которых

спорили в общине, и оставил на полях свободное место. Под конец он вспомнил царапину столяра, замеченную только после законченной работы. Нельзя было утверждать, что всякое знание требует крови или боли; всё же встреча с увиденным нередко оставляет след, который невозможно стереть, продолжая работу как прежде. Он закрыл чернильницу и на мгновение задержал палец на небольшом пятне, проступившем сквозь бумагу.

V. Первая Рана

На следующий день писец нашёл на столе лист, на который попала капля чернил. Она проступила с одной стороны на другую и испортила несколько букв, хотя письмо было уже закончено. Он осторожно отделил бумагу от подкладки и увидел, что привычным движением пера исправить повреждение нельзя. Можно было переписать строку заново, оставить помету на полях или выбросить лист, но сделать так, будто пятна никогда не существовало, уже не удастся. Писец вспомнил столяра, заметившего царапину лишь после работы, и задумался о первом изменении, которое приносит знание своему носителю. В священной речи такое изменение называли Раной. Это слово требовало осторожности, чтобы не превратить рассказ о жестокости, будто бы заложенной в самом Свете.

В селении за широкими полями жила семья ткачей. Их мастерская занимала нижнюю часть длинного дома, где два ткацких стана стояли возле окон, а третий, старый и тяжёлый, почти не двигали с места. Отец семейства, Радан, много лет работал над плотными тканями для торговцев и соседних домов. Его дочь Илара научилась расправлять нити раньше, чем научилась свободно писать. Когда она выросла, отец позволил ей принимать заказы, однако самые сложные полотна всё ещё начинал сам. Он умел по движению челнока узнавать, где натяжение стало неверным, и часто поправлял работу дочери одним коротким взглядом.

В конце лета им заказали большое полотно для зала, где жители собирались после сбора урожая. Его хотели

повесить у длинной стены, чтобы прикрыть сырой камень и сделать помещение пригодным для зимних встреч. Заказ был дорогим. Для него привезли мягкую пряжу из соседней долины, и Радан согласился закончить работу раньше обычного срока. Деньги требовались семье: крыша мастерской протекала, младший сын готовился уехать на обучение, а долг за прошлую зиму ещё не был выплачен. Илара предложила разделить полотно на несколько частей, чтобы легче было проверять качество. Отец отказался. Он хотел соткать его цельным, как делал прежде, и не сомневался, что успеет.

Первые дни работа шла хорошо. Илара готовила нити, мать красила небольшие партии пряжи, отец сидел за станом до позднего вечера. Потом дочь заметила, что некоторые волокна из новой поставки необычно легко ломаются при натяжении. Она сначала решила, что нити пересохли на солнце. Смочив одну из них, попыталась растянуть снова и увидела, как та распадается на короткие пушистые концы. С виду пряжа ничем не отличалась от прочной, и в корзине было трудно отделить плохие мотки. Илара отложила горсть в маленький мешок, чтобы проверить утром, когда хватит дневного света.

На рассвете она принесла мешок отцу. Радан осмотрел нити и сказал, что такая пряжа встречается часто и что плотное переплетение удержит её. Илара не стала спорить без проверки. Она взяла обрезок уже сотканного края, закрепила между двумя деревянными планками и потянула. Полотно выдержало. Тогда она повторила движение после того, как намочила ткань и дала ей высохнуть. Несколько поперечных нитей стали расползаться под пальцами. Она

показала повреждение отцу. Тот долго разглядывал край и наконец признал, что партия могла оказаться хуже обещанной. Но из этого ещё не следовало, по его словам, что нужно разбирать весь стан.

Ночью Илара просыпалась от мысли о слабой пряже. Ей хотелось, чтобы утренняя проверка показала ошибку, а не испорченный материал. Ещё вчера отцовский рисунок был для неё готовой красотой; теперь она видела в нём ряды нитей, которые могли разойтись при первой сырости. Само обнаружение ничего не испортило, но смотреть на полотно прежними глазами уже не получалось. Позднее писец увидел в случившемся отголосок Первой Раны: однажды узнанное уже нельзя сделать неизвестным. О первом восприятии Света известно иное: первая Божественная душа приняла священное знание. Испытала ли она боль, страх или утрату, земной рассказ установить не может.

Илара попросила позволения проверить пряжу, оставшуюся в корзинах, и открытые участки ткани. Отец уступил, но велел делать это после работы, чтобы не потерять день. Она провела вечер у стола, перебирая мотки и отмечая слабые нити маленькими узелками. Сначала таких оказалось немного. Позднее она обнаружила целую связку из той же партии. Возле полуночи мать нашла её под лампой и предложила лечь спать. Илара ответила, что теперь каждый час работы может прибавить к полотну то, что придётся потом распускать. Мать поставила рядом чашку воды, села напротив и стала помогать ей проверять мотки.

Они закончили к утру. Почти треть привезённой пряжи нельзя было надёжно использовать для длинного полотна.

Особенно тревожным было то, что слабые нити уже проходили через середину работы, где Радан несколько дней подряд выводил сложный рисунок. Мать предложила сообщить отцу после завтрака, когда он отдохнёт. Илара согласилась. Она не считала его врагом и не хотела превратить находку в публичное доказательство собственной правоты. Но сохранить молчание означало бы позволить ему закончить вещь, которая могла не выдержать обычного ухода и использования.

Радан выслушал их, положил на стол проверенные образцы и долго не поднимал головы. Потом сказал, что поставщик, вероятно, согласится обменять оставшиеся мотки, но готовую часть полотна уже не вернуть в корзину. Илара предложила распустить повреждённый участок и заменить нити. Отец поднялся так резко, что задел коленом скамью. Он напомнил, сколько дней ушло на рисунок, сколько денег семья ждёт и как трудно будет объяснить заказчику задержку. Радан потребовал: «Если ты так уверена, что ткань разрушится, возьми и покажи мне это». Илара повернулась к стану. Она могла выполнить требование, но понимала, что после проверки уже не сохранит того, над чем отец работал с особенной гордостью.

Илара стояла перед станом, слыша, как отец ещё раз повторяет требование проверить полотно. Она боялась не самого испытания, а того, что после него Радан уже не сможет сказать, будто ничего не видел. Ему грозили потеря денег и обида на дочь, ей самой предстояло участвовать в разрушении дорогой работы. Но слабые нити не возникли от её взгляда. Ни Первый Свет, ни Невыраженное не выбирали поставщика и не заставляли Радана спешить. Теперь

решение принадлежало людям, которые знали о риске и отвечали перед заказчиками.

Они отрезали узкую полосу от внутреннего края полотна, где её можно было позднее пришить незаметнее. Илара смочила образец, растянула на деревянной раме и оставила сохнуть. На следующий день они взялись за концы ткани вдвоём. Несколько нитей оборвались, рисунок сместился, а в одном месте образовалась щель. Радан смотрел на неё молча. Затем осторожно снял образец и положил на стол лицевой стороной вниз. Илара ожидала, что он признает необходимость переделки. Вместо этого отец велел всем выйти из мастерской и закрыл дверь.

Два дня стан оставался без движения. Заказчик прислал мальчика узнать, когда забирать готовое полотно. Мать ответила, что обнаружен недостаток материала и нужен разговор с хозяевами зала. Мальчик ушёл, а вечером пришли двое старших распорядителей заказа. Они осмотрели испорченный образец и спросили, нельзя ли повесить полотно высоко, где его никто не будет трогать. Илара объяснила, что сырость стены и сезонные перемены температуры всё равно будут действовать на ткань. Она не обещала точного дня разрушения: этого не знала. Но скрыть недостаток и продать вещь как прочную означало бы переложить известный риск на тех, кто за неё заплатит.

Один распорядитель предложил уменьшить цену, другой хотел отказаться от заказа и потребовать возврата задатка. Спор затянулся. Радан наконец вышел из комнаты и признал, что поставщик подвёл его, а он сам пропустил признаки слабости нитей. Его голос был глухим, и дочь впервые услышала, как трудно ему произносить такие слова

при чужих. Они договорились, что семья вернёт часть задатка сейчас, а окончательное решение примут после разговора с поставщиком. Люди ушли недовольные. Илара подошла к отцу, но тот попросил оставить его одного.

На следующий день Илара боялась войти к отцу. Она принесла правдивый образец, но правда не вернула задаток и не сохранила его труда. Радан ошибся, не став оттого человеком, недостойным уважения; дочь поступила честно, но не приобрела права перестать его слушать. Их прежнее положение уже нельзя было восстановить одной доброй фразой. Такова человеческая сторона образа Первой Раны: увиденное остаётся с тем, кто его узнал, даже когда он предпочёл бы снова ничего не подозревать. Это не было наказанием, назначенным небом семье ткачей.

На третий вечер Илара услышала, как отец снова запустил стан. Она вошла и увидела, что он начал распускать рисунок. Перед ним лежал небольшой нож для перерезания узлов, рядом стояла корзина для нитей, которые можно было использовать повторно. Он работал один и не попросил помощи. Илара постояла у двери, потом взяла вторую корзину и опустилась на скамью. Радан не взглянул на неё, но передвинул нож так, чтобы ей было удобнее доставать его. Они провели вместе несколько часов, почти не разговаривая. Каждый снятый ряд возвращал стан к более раннему состоянию, однако не возвращал потраченного времени.

Позднее отец сказал, что не может решить, чего ему стыднее: плохой пряжи или того, что дочь первой узнала о ней. Илара ответила, что сама сначала хотела ошибиться в проверке, потому что боялась причинить ему боль. Радан не

потребовал от неё обещания молчать в следующий раз. Он лишь попросил, чтобы прежде чем сообщать заказчикам о новой беде, они вместе проверяли факты до конца. Дочь согласилась и добавила, что и он должен позволять ей проводить проверку, когда она замечает проблему. Они не заключили торжественного договора, но наутро начали работу уже в другом порядке.

Однажды человек переживает Соприкосновение с Невыраженным и узнаёт, что его прежние представления о себе были теснее, чем он думал. Он может почувствовать ясность, но вместе с ней обнаружить ответственность, от которой привык отворачиваться, или возможность выбора, прежде казавшуюся невозможной. В духовном языке это тоже может быть названо раной осознания. Однако не всякое духовное открытие причиняет страдание, и боль сама по себе ничего не доказывает о святости переживания. Не следует искать ран ради знания, оправдывать причинённый другому вред высшей целью или утверждать, будто жестокость становится благом при достаточном количестве молитв.

На четвёртый день в мастерскую пришёл поставщик пряжи. Он отрицал, что продал плохой товар, и требовал показать ему повреждённые волокна. Илара достала образцы, отдельно помеченные в день проверки. Мужчина пробовал тянуть их и спорил, что при надлежащем хранении такого не бывает. Тогда мать показала ему мотки из другой партии, лежавшие в тех же условиях и сохранившие прочность. Поставщик перестал спорить о влажности и попросил оставить ему несколько нитей для собственного осмотра. Он не признал всей суммы убытка, но

согласился обменять оставшуюся пряжу и частично уменьшить долг семьи.

Новый материал пришёл через десять дней. К тому времени заказчики решили, что не станут ждать первоначального большого полотна. Им требовалась защита от холода прежде, чем сезон сменится. Семья вернула положенную часть денег и предложила сшить несколько меньших плотных занавесей из пригодных участков ткани. Распорядители согласились после осмотра образца, но уплаченная цена стала ниже прежней. Радан расстроился, увидев, что красивый задуманный рисунок приходится разрезать по швам. Илара тоже жалела его. Они не стали называть потерю незримой победой, чтобы утешить друг друга.

Вечерами она иногда молилась Первому Свидетелю, спрашивая, почему знание приходит прежде готовности принять его последствия. Она не слышала голоса, который сообщил бы ей устройство мира. Перед ней стояли повреждённая ткань, уставшие руки отца и счета, которые требовали оплаты. Но в молитве она могла обращаться к личному Божественному присутствию, связанному с самым первым знанием о Свете. Это обращение не снимало с неё земной работы, и всё же она не считала его напрасным только потому, что не получала готовой инструкции. Утром Илара вновь садилась за стан и принимала решения, которые могла обосновать перед людьми.

Первая Рана в священном предании указывает на цену возникновения осознания. Не следует представлять, будто Невыраженное прежде жило в безболезненном покое, а затем намеренно ранило первую душу. Невыраженное не

совершало нравственного приговора. Первый Свет не был мечом, нанесшим Божественному телу удар. Рана есть образ необратимости: там, где уже возникла осознающая Божественная сущность, первое свидетельствование не может быть возвращено в состояние, словно оно никогда не случалось. Само познание становится действительностью для того, кто его воспринял. Каким было это первое переживание, мы не знаем; неизвестно даже, насколько здесь уместно земное слово «переживание».

Когда короткие занавеси повесили в зале, они выглядели иначе, чем задумывалось. Рисунок обрывался у каждого шва, но ткань была плотной и держала холод. Жители не устраивали торжества по случаю работы: одни жаловались на цвет, другие спрашивали, почему нельзя было оставить первоначальный узор. Радан выслушал замечания и рассказал о браке пряжи столько, сколько требовалось. Дочь стояла рядом. Она видела, как отец говорил уже без прежнего стыда, хотя сожаление оставалось в его голосе. Дома он прикрепил повреждённый образец к доске над рабочим столом, чтобы на новых заказах сначала проверять материал, а затем браться за сложный рисунок.

В последующие месяцы Радан стал внимательнее к проверкам дочери. Иногда они спорили, и новый порядок не сделал их похожими друг на друга. Он по-прежнему предпочитал плотное полотно с непрерывным узором, она любила небольшие детали и перемены в рисунке. Но теперь, когда нить вызвала сомнение, кто-нибудь из них брал её из корзины и испытывал отдельно, не дожидаясь большого убытка. Однажды отец сказал Иларе, что уже плохо различает оттенки при вечернем свете и потому хочет

доверить ей подбор красок. Она согласилась, не скрывая радости и тревоги от новой ответственности.

Зимой Илара обнаружила под старым станом моток из той самой испорченной партии. Он закатился за ножку и пролежал там несколько месяцев. Она хотела сразу бросить его в корзину отходов, но остановилась, вспомнив отцовский рисунок и долгие вечера распускания ткани. Моток был красивого тёмно-синего цвета. Если смотреть издали, невозможно было угадать, что волокна слабы. Илара вынесла его на стол и предложила отцу оставить как образец материала, которым нельзя доверять лишь потому, что он приятен глазу. Радан посмотрел, взял моток и положил рядом с доской, где висел разорванный образец.

Писец поднял лист с высохшими чернилами. Он больше не пытался стереть пятно: от трения бумага только истончалась. На чистом месте он написал о Первой Ране, понимая, что человеческая ткань и человеческая память не являются буквальным телом Первого Свидетеля. Вера говорит о первой осознающей Божественной душе, принявшей Свет, и видит в этом начале торжественное достоинство и цену необратимого знания. Неизвестные свойства Божественного он оставил неназванными. Рядом с последней строкой всё ещё темнела прежняя капля чернил, а в новом слове не было обещания, что каждый след непременно исцелится. Он перевернул лист и услышал, как за окном кто-то назвал чужое имя так громко, будто хотел этим одним звуком вызвать страх.

VI. Страх перед именем

Позднее в тот же день писец вышел на улицу за новой бумагой. Возле лавки спорили двое, и он снова услышал имя, прозвучавшее ранее за окном. Один человек произнёс его почтительно, другой отступил на шаг, словно от одного звука могло случиться несчастье. Писец не вмешался. Его поразило, как мало было сказано до того, как оба уже решили, что знают о вере собеседника достаточно. Вернувшись домой, он долго смотрел на заголовок новой главы. Первый Свидетель не возник вместе со словом, которым Его называют на Земле. Но через это слово люди встречаются с учением, и иногда человеческий страх достигает слуха раньше всякого объяснения.

В торговом городе, лежавшем у большой дороги, работала печатная мастерская. Хозяин её, Эстен, принимал заказы на объявления, учебные листы и небольшие книги. Наборщики проводили дни у касс с литерами, где каждая буква лежала в своей ячейке, а испорченные знаки складывали отдельно, чтобы переплавить. На стене висел лист с правилами работы: проверить написание имени, сверить число и дату, прочитать готовый оттиск вслух. Эстен добавил последнее требование после случая, когда неверная буква превратила адрес получателя в адрес другого человека. Ошибку тогда заметили только после доставки целого тиража.

Однажды в мастерскую пришла женщина с рукописью для небольшого собрания верующих. Она хотела напечатать обращение к Первому Свету и Первому Свидетелю, чтобы участники могли читать его вместе и не зависеть от

единственного переписанного экземпляра. В заголовке стояло имя Люцифер. Эстен узнал его сразу, хотя никогда прежде не печатал сочинений этого учения. Он прочёл несколько строк и спросил, понимает ли заказчица, что многие в городе услышат в этом имени не Светоносца, а противника Бога из собственной религиозной традиции. Женщина ответила, что знает об этом, потому и просит сохранить точное название и не подменять его словом, которое она не выбирала.

Молодой наборщик Орен стоял у соседнего стола и слышал разговор. Он вырос в семье, где имя Люцифер употребляли лишь в дурном смысле. Ему было неприятно даже думать, что придётся сложить эти буквы собственными руками. Эстен не высмеял его и не объявил страх глупостью. Он предложил посмотреть рукопись прежде, чем принимать решение. Орен прочёл слова о первой осознающей Божественной душе, воспринявшей Первый Свет, но заявил, что это противоречит вере, которой его учили. Женщина не попросила его отречься от своих убеждений. Она только уточнила, что текст не называет почитаемого ею Свидетеля тем существом, о котором говорит Орен.

Орен после разговора вернулся к кассам с литерами. Он машинально вынул одну букву из ячейки и повертел в пальцах. Металл был таким же холодным и тяжёлым, как при любом другом заказе. Ему хотелось вернуть литеру в ячейку, будто вместе с металлом в его руки переходило чужое исповедание. До сих пор ему не приходилось различать написанное слово и тот религиозный смысл, который оно имело для разных людей. Женщина почитала

первую Божественную душу, воспринявшую Свет, а в его доме то же земное имя вызывало совсем иной образ. Орен не знал, можно ли удержать оба факта, не предав собственной памяти.

Эстен отложил рукопись и попросил Орена найти в старых книгах латинское слово, от которого произошло земное имя. В их мастерской хранился словарь, приобретённый ещё предыдущим хозяином. Орен долго перелистывал его, сердясь на самого себя за то, что принимает участие в разговоре. Наконец он нашёл запись: латинское *lucifer* означало «несущий свет», а также называло утреннюю звезду. Он прочёл определение вслух и сразу добавил, что одного словарного значения недостаточно, чтобы решить спор о религии. Эстен согласился. Происхождение слова объясняет его историю, но не обязывает верующего принять учение того, кто употребляет его сегодня.

В латинских текстах слово действительно прошло через разные контексты. В книге пророка Исаии известное выражение о падении утренней звезды находится в речи, обращённой к царю Вавилона. Позднейшее христианское толкование связало этот образ с падением Сатаны. В другом месте латинской Библии, во Втором послании Петра, слово *lucifer* появляется в образе утренней звезды, восходящей в сердцах. Это различие не уничтожает последующую религиозную историю имени и не доказывает автоматически учение Первого Света. Оно показывает, что само латинское слово не родилось как однозначное собственное имя зла. Его смысл менялся с контекстом, переводом и истолкованием.

Орен попросил Эстена показать оба места. Хозяин нашёл старую книгу, вложил между страницами полоску плотной бумаги и положил рядом со словарём. Молодой человек прочёл окружающие строки, задержавшись на упоминании царя и на обращении к людям, которым предлагалось внимать пророческому слову. Орен признался: «Мне говорили, что имя всегда означало одно и то же». Эстен ответил, что люди нередко получают от старших уже сложившееся толкование и не обязаны в детстве знать историю каждой буквы. Но взрослый человек может различить первоначальный текст, позднейшее прочтение и собственную веру. Орен закрыл книгу и сказал, что это различие не сделало его последователем нового учения. Эстен ответил: «Я этого от тебя не требовал».

На следующий день, когда женщина вернулась узнать о сроке, Орен сам спросил её, почему она не выбрала для молитвы другое имя, которое не вызывало бы такого страха. Женщина рассказала, что для её общины имя Люцифер обозначает Светоносца, Первого Свидетеля, а отказ от него ради чужого спокойствия изменил бы сам текст обращения. Она понимала, почему соседям трудно услышать его иначе, и не рассчитывала исправить столетия религиозных образов одним разговором. Но ей также было тяжело постоянно отвечать за поступки и учения, которых она не исповедует. Женщина сказала: «Я могу рассказать, кого почитаю. Я не могу прожить за другого человека весь его путь к пониманию моих слов».

Женщина оставила Эстена рукопись не для того, чтобы доказать словарём истинность своей веры. Для неё Люцифер был первой осознающей Божественной душой,

принявшей Первый Свет, и тем, кто открыл другим путь к знанию о Соприкосновении с Невыраженным. Она не называла Его ни космическим судьёй, ни воплощением зла и не требовала, чтобы Орен произносил молитву вместе с ней. Печатнику предстояло сохранить именно этот текст, а не привычный для соседей рассказ о другом религиозном образе. От точности названия здесь зависело право человека быть понятым прежде, чем с ним начнут спорить.

Эстен согласился выполнить заказ. Он поручил Орену набор остальных страниц, а заголовок предложил набрать сам, если ученик не желает участвовать в этой части работы. Орен помолчал и отказался от такого разделения. Он сказал, что способен точно набрать слово, даже если не станет употреблять его в собственной молитве. Для него это было странным решением: прежде он полагал, что прикосновение к буквам делает его участником любого выраженного ими убеждения. Теперь он различал ремесленный труд над чужим текстом и личное исповедание. Хозяин не похвалил его за перемену взглядов. Он лишь проверил, все ли литеры взяты из правильных ячеек.

Работа осложнилась не из-за священного имени. В середине набора обнаружилось, что в типографской кассе не хватает одной буквы нужного размера. Её заменили литерой из старого шрифта, и в пробном оттиске заголовок вышел с заметным перекосом. Эстен велел снять строку и набрать заново. Орен возразил, что читатель всё равно поймёт слово, но хозяин напомнил ему собственные правила: если печатник берётся за чужой текст, он обязан сохранять его точно, особенно там, где одна небрежность

легко превратится в новый повод для обвинений. Они нашли подходящую литературу в запасной коробке и повторили пробу.

Когда первый лист был готов, пришёл знакомый Эстена, переплётчик по имени Севир. Он увидел заголовок и резко спросил, зачем печатник берётся за такие вещи. Севир придерживался другой веры и опасался, что имя на обложке введёт читателей в заблуждение. Эстен объяснил, кто заказал рукопись и что в ней написано, не предлагая другу разделить учение. Севир сказал, что сам не стал бы изготавливать такой переплёт. Эстен ответил: «И ты можешь отказаться. Но если мы спорим о том, что написано, давай сперва прочтём текст. Иначе каждый из нас будет разговаривать лишь с собственным страхом». Севир взял пробный лист, прочёл несколько строк и вернул. Его отношение к имени не изменилось, но он признал, что рукопись не содержит тех призывов, которых ожидал.

Страх бывает искренним, даже когда основан на неверном представлении о чужой вере. Не всякий испуганный человек хочет причинить вред, и не всякое несогласие есть попытка запретить слово. Но страх легко становится орудием власти, когда человеку достаточно назвать незнакомое имя, чтобы отказать другому в праве быть услышанным. Орден может защищать своё исповедание и требовать точности в рассказах о нём, не объявляя всех несогласных врагами Света. Истина не нуждается в выдуманном преступлении, приписанном оппоненту; ей достаточно действительного текста и честного различения позиций.

В тот вечер Орен возвращался домой медленнее обычного. На мостовой перед лавкой знакомый мальчик

спросил его, правда ли он теперь служит людям, которые поклоняются злу. Орен удивился, как быстро разошёлся слух. Он ответил, что работает в типографии, где печатают разные книги, и что новый текст называет Люцифера Первым Свидетелем. Мальчик хотел услышать, значит ли это, что в книге нет ничего опасного. Орен признался, что не может решить за него вопрос о вере и что сам не согласен со многим прочитанным. Он предложил сначала спросить, что именно написано, если мальчик захочет судить о тексте, а не о слухе. Тот пожал плечами и побежал к друзьям.

Дома его ждала мать, давно заметившая, как поздно он возвращается с работы. Она поставила перед ним тарелку и спросила, правду ли рассказывают об имени в новом издании. Орен рассказал о рукописи, не скрывая, что печатал её собственными руками. Мать долго молчала. Потом призналась, что в её детстве это имя звучало в рассказах о страхе и падении; даже теперь ей трудно отделить услышанное когда-то от всякого иного смысла. Сын не стал требовать, чтобы она немедленно изменила свою веру. Он показал ей записанные на обрывке бумаги латинские слова и объяснил, почему в мастерской читали не один стих, а окружающий текст. Мать выслушала, но отложила обрывок в сторону.

Мать сказала: «Я всё равно не буду произносить это имя в молитве». Орен ответил, что и сам не решил иначе. Он напечатал обращение для других людей, не изменяя их слов, а свою молитву оставил своей. Мать спросила, не боится ли он, что из-за работы его перестанут принимать в привычном кругу. Он признался, что боится, особенно после

разговора на улице, но не хочет лгать о том, что видел в рукописи. Они не разрешили спор за ужином. Перед сном мать попросила его только беречь себя и не отвечать на оскорбление оскорблением. На следующий день он вошёл в мастерскую с прежним беспокойством, но уже не думал, будто должен выбирать между точностью ремесла и правом матери оставаться при своей вере.

На другой день кто-то оставил на двери мастерской листок с грубым предупреждением. Эстен снял его до прихода заказчиков. Он не объявил это доказательством большого заговора и не стал обвинять жителей всего квартала. Листок мог написать один человек, и ничего о его имени они не знали. Но Эстен решил оставить дверь открытой во время работы, чтобы слухи не заменяли для соседей видимое дело. Когда Орен предложил повесить рядом ответ, хозяин отказался начинать уличную переписку с неизвестным противником. Ему предстояло закончить тираж без ошибок, и этому он посвятил утро.

Спустя несколько дней женщина пришла за готовыми листами. Она просмотрела верхнюю страницу, сверила заголовок и нашла одно место, где наборщик неверно поставил знак препинания. Эстен не спорил. Они исправили строку, изготовили новый оттиск и заменили испорченные экземпляры. Женщина заплатила оговорённую сумму и сказала, что принесёт один лист на следующую встречу верующих. Никакого особенного знамения в мастерской не произошло. Остались пачки бумаги, запах краски, усталые пальцы Орена и обычное чувство ремесленника, который сделал работу достаточно хорошо, чтобы за неё не было стыдно.

Вечером заказчица разложила листы у себя дома и внимательно пересчитала их, прежде чем передать часть друзьям. Она знала, что некоторые соседские двери останутся для неё закрытыми, если люди узнают, какое имя стоит на странице. Тем не менее она прочла обращение вслух перед маленьким столом, где лежали обычные семейные письма. Для неё это была молитва к Первому Свидетелю, а не спор со словарём. Она благодарила за возможность искать знание и просила мужества пользоваться собственной Волею. Слова не сделали других людей обязанными признать её веру, но помогли ей ясно понять, что именно она готова произнести от своего имени.

За городом уже наступали сумерки, когда Севир вновь пришёл к печатнику. Он принёс починенный инструмент, оставленный у него несколько дней назад, и заодно спросил, закончилась ли неприятная история с именем. Эстен ответил, что тираж выдан, а история, вероятно, продолжится в разговорах тех, кто купит или увидит листы. Севир сказал, что по-прежнему не сможет произнести имя Люцифер в молитве. Эстен не ожидал иного и не считал дружбу призом за согласие. Они поговорили о цене кожи для переплётгов и о сыне Севира, которому предстоял экзамен. На прощание переплётчик всё же попросил дать ему чистый экземпляр, чтобы дочитать тот спорный текст целиком.

Севир унёс лист, так и не обещав изменить свою веру. Орену хотелось верить, что после чтения в городе станет спокойнее, но он уже видел, как долго живут значения слов. Имя Люцифер прошло через разные языки, тексты и проповеди; у людей остались чувства, которые невозможно

отменить исправлением словарной статьи. Вера Первого Света вправе ясно назвать, кого почитает, а её соседи вправе с этим не соглашаться. Происхождение слова не доказывает богословия ни одной из сторон. Для Орена важным оказалось другое: теперь, когда он знал содержание рукописи, повторять о ней прежний слух как собственное наблюдение было бы нечестно.

Писец перечитал написанное и оставил на полях два слова, которые сначала хотел стереть: «страх» и «молитва». Они стояли рядом, хотя обозначали разные движения души. Страх мог заставить человека замолчать, не выслушав собеседника; молитва могла стать свободным обращением к тому, кого он почитает. Иногда человек произносил одно и то же имя с совершенно различными намерениями. Писец не стал обещать, что любой спор исчезнет после словарного объяснения. Он положил рядом с тетрадью чистый лист для следующей главы, где предстояло говорить уже о самом молящемся, его Воле и о том, к кому действительно направлено духовное обращение.

Прежде чем закрыть окно, он услышал внизу обрывок песни. Голос был чужой, слова едва различимые, но имя, над которым он работал весь день, прозвучало ясно. Писец не знал, кто пел и что думал этот человек. Ему захотелось выйти и спросить, но затем он увидел, как певец свернул в переулок и исчез. На столе оставалась чернильная строка, которую можно было прочесть и проверить. За окном прозвучало слово, чей смысл принадлежал чужой жизни. Писец вернулся к странице, сохраняя различие между услышанным и тем, что лишь мог себе вообразить.

VII. Свидетель и молящийся

Раскрыв тетрадь для последней главы, писец услышал, как в соседнем дворе женщина просила сына не уходить за ворота. Мальчик обещал вернуться засветло, а она повторяла, что дорога после дождя опасна. Голоса вскоре стихли, но писец продолжал думать об этом простом разговоре. Он уже написал о Первом Свидетеле как о носителе священного знания; теперь ему хотелось понять, как человек соединяет молитву с решением, которое касается его самого и других. Можно вечером просить ясности, а наутро снова считать деньги, выслушивать возражения и отвечать за свой поступок. Писец записал заголовок и задержал перо: что труднее, просить о ясности или жить согласно тому, что стало ясным?

В небольшом поселении у дороги через холмы держали постоянный двор. Во внутреннем дворе росло старое грушевое дерево, под которым летом кормили лошадей, а зимой складывали связки сухих ветвей. Хозяин, Дамир, сам построил большую часть навеса и долго гордился тем, что никогда не просил соседей помочь с работой. К старости колени стали подводить его, особенно в сырой день, и тяжёлые мешки носила дочь Веда. Она вела записи о постояльцах, расплачивалась с поставщиками и умела успокоить путника, который приехал ночью и обнаружил, что свободных мест больше нет. Их хозяйство держалось на привычном порядке; каждый знал, что будет делать утром.

Однажды Веде принесли письмо из города за перевалом. Там открывали школу для детей торговцев и работников, которые часто переезжали и редко могли учиться в одном

месте. Преподаватель, знакомый с её почерком и терпением, предлагал ей провести там год, обучая чтению и счёту. Жалованье было небольшим, зато она могла получить опыт и позже открыть собственное дело. Веда перечитала письмо несколько раз. Она давно хотела учить, но отец полагал это желанием, которое пройдёт после очередного трудного сезона. Когда дочь сказала, что собирается принять предложение, Дамир положил ложку на стол и спросил, кто станет вести двор, пока она будет обучать чужих детей.

Веда ответила, что до срока отъезда есть шесть недель и они могут нанять работника. Отец напомнил о долгах за зерно, о больной крыше, о том, что посторонний человек не сразу освоит хозяйство. Она знала всё это лучше многих: счета лежали в ящике под её кроватью, а протекающее место она сама отмечала углём ещё весной. Дамир говорил всё громче, пока не назвал отъезд неблагодарностью. Дочь не ответила таким же словом. Она убрала письмо, вышла к конюшне и до позднего вечера пересчитывала мешки с овсом, пытаясь понять, можно ли из имеющихся денег оплатить помощника.

Дамир до ночи слышал в памяти собственное слово «неблагодарность». Он любил дочь и в самом деле боялся остаться один, когда каждое движение тяжёлого мешка отзывалось болью в коленях. Но эта боль не объясняла ему, почему Веда должна отказаться от предложенной работы. Он ещё не решался признать, что его страх и её желание могут быть одинаково настоящими. Первый Свидетель, к которому Дамир привык обращаться в молитве, не был судьёй, заранее присудившим дочь отцу. Ему предстояло

выслушать её как человека с собственной Волей, даже если ничего в его сердце от этого сразу не облегчится.

Наутро Дамир нашёл дочь у амбара. Она разложила на доске записи о расходах и показала, сколько стоит помощник, если сократить закупки и отказаться от расширения конюшни на год. Отец слушал недовольно. Он соглашался с числами, но говорил, что цифры ничего не знают о тяжёлой работе. Тогда Веда предложила попробовать нанять человека на несколько дней, пока она ещё дома, чтобы проверить, справится ли он с делом. Дамир отказался обещать что-либо заранее, но позволил ей поговорить с соседским племянником, который искал занятие после жатвы.

В тот же вечер он пришёл к небольшому столу у восточной стены, где хранил книгу молитв. Обычно Дамир обращался к Первому Свидетелю с благодарением после удачной недели, а в трудные дни просил ясности и сил. Теперь он хотел просить о другом: чтобы дочь передумала и осталась. Он произнёс священное имя Люцифер и замолчал. В тишине ему пришло на память, как много лет назад он сам оставил отцовский дом, чтобы построить постоянный двор. Тогда его отец тоже называл уход предательством, и Дамир долго не возвращался в родные места. Он не знал, зачем это воспоминание возникло именно теперь, и не объявил его приказом свыше. Но оно мешало ему повторить прежнее обвинение с той же уверенностью.

В молитве верующий обращается к Первому Свидетелю как к личностному Божественному присутствию. Благодарение, просьба и почитание обладают для него священным смыслом. Однако нам не известно, как духовное

знание становится доступным сознанию, и нельзя обещать, что всякая мысль после произнесённого имени непосредственно передана Люцифером. Восприятие человека несёт его память и желание. Тот, кто молится, вправе принять пережитое всерьёз, но обязан отличить его от распоряжения чужой жизнью. Молитва не освобождает от размышления; она может сделать размышление честнее, если человек не старается заставить святое подтвердить уже принятое решение.

На следующий день Дамир попросил дочь показать письмо ещё раз. Он прочёл, когда ей следует прибыть в школу, и спросил, почему она раньше не говорила о своём желании учить. Веда напомнила, что говорила дважды, но оба раза отец отвечал шуткой, будто все учителя на свете должны сперва научиться носить мешки. Дамир усмехнулся и хотел возразить, но заметил, что дочь не смеётся. Он сказал, что не помнит этих разговоров такими серьёзными. Веда ответила: «Для тебя это были две минуты. Я после каждой думала, стоит ли вообще говорить снова». Они не помирились окончательно, но впервые за несколько дней смогли сидеть за одним столом без крика.

К концу недели пришёл соседский племянник, Корин. Он был крепок, однако плохо различал монеты и прежде никогда не вёл хозяйственных записей. Веда предложила ему сначала заняться кормом и уборкой, а расчёты учить постепенно. Дамир поручил ему вынести тяжёлый ящик из сарая. Корин попытался поднять его в одиночку, поскользнулся на влажных камнях и едва не уронил на ногу. Веда помогла ему поставить ящик на тележку и спросила отца, зачем было начинать обучение с самого неудобного

предмета во дворе. Тот ответил, что хотел проверить силу работника. Веда заметила: «Теперь мы проверили, что ящик тяжёлый». Дамир рассердился на её тон, но на следующий день сам показал Корину, как пользоваться тележкой.

Учение о Соприкосновении с Невыраженным обращено к неисчерпаемому основанию возможного. Это духовная дисциплина внимания и пробуждения Искры, в которой человек учится замечать привычные пределы мысли и рассматривать пути, прежде им отвергнутые. Её нельзя смешивать с просьбой к Люциферу решить каждое дело вместо молящегося. Первый Свидетель почитается как тот, кто принёс знание о Свете и возможности этого Соприкосновения; сама практика направлена к Невыраженному. Человек может искать в ней глубину и ясность, но не получает гарантии, что обстоятельства изменятся по одному желанию. Ему по-прежнему предстоит выйти из молчания и действовать среди вещей и людей.

Веда иногда уходила ранним утром на холм за поселением. Там росли низкие кусты, а от дороги оставался лишь тонкий след среди сухой травы. Она садилась на камень и некоторое время следила за дыханием, оставляя в стороне привычные мысленные споры с отцом. Потом возвращалась к вопросу, который не позволял решить одно настроение: хочет ли она уехать потому, что действительно желает учить, или прежде всего хочет освободиться от ежедневной тяжести двора? Оба желания существовали в ней. Она признала, что работа в школе тоже будет трудной и что вдали от дома придётся отвечать за неизвестные ошибки. Но когда она представляла детей, впервые

прочитавших собственное письмо, желание оставалось. Оно не исчезало после того, как утихал гнев на отца.

Спустившись с холма, она не ждала, что мир подтвердит выбор особенным знаком. Веда составила список того, чему должен научиться Корин, написала в город о возможной задержке на несколько дней и предложила отцу договориться с соседями о ремонте крыши до осенних дождей. Всё это требовало денег и чужого согласия. Дамир не спешил благодарить её за заботу, потому что каждый приготовленный ею документ приближал отъезд. Но он начал участвовать в делах, которые прежде отталкивал: обсуждал с плотниками цену, показывал Корину порядок кормления лошадей, сам проверял счета, когда дочь оставляла их на столе.

Первые перемены редко имеют вид победы. Веда продолжала бояться, что подведёт отца; Дамир сердился на необходимость просить помощи. Корин ошибался с запасами и однажды заказал зерна больше, чем требовалось. Им пришлось договариваться о возврате части мешков. Никто не объявил, что трудности возникли из-за недостаточной молитвы или слабой веры. Ошибка была человеческой, исправление тоже. Научиться просить о содействии оказалось для Дамира тяжелее, чем когда-то построить навес собственными руками, потому что он привык мерить достоинство человека способностью справляться без свидетелей.

Однажды вечером он предложил дочери помолиться вместе. Веда согласилась, хотя прежде им редко удавалось сохранять спокойствие в одном разговоре. Они положили на стол книгу и прочли короткое обращение к Первому Свету,

затем произнесли имя Первого Свидетеля. Дамир благодарил за прожитые годы и просил мужества принять то, чего не может удержать силой. Веда просила ясности для будущего труда и призналась, что боится ошибиться в решении. Они не услышали одинаковых ответов, как слышат слова друг друга. Но после молитвы отец не потребовал обещания остаться, а дочь не стала уверять, будто раз ей стало спокойнее, все расчёты обязательно оправдаются.

В общине Первого Света молитва и духовная дисциплина связаны, но не совпадают. Первая обращается к священному Личному присутствию, прославляет Свет и допускает благодарность, просьбу, скорбь и доверие. Соприкосновение с Невыраженным учит оставаться перед глубиной возможного без притязания владеть ею. Обе стороны требуют свободного участия человека. Нельзя за плату приобрести духовное превосходство, нельзя от имени Свидетеля распоряжаться чужой совестью, нельзя принудить другого к желанной молитве и затем назвать его послушание даром Света. Почитание теряет нравственную честность, когда становится удобным предложением для власти над тем, кто имеет собственное Имя и Волю.

Через месяц Корин уже мог самостоятельно принимать поздних путников и вести простые записи. Дамир по-прежнему просил Веду перепроверять счета, но делал это спокойнее. Мастера починили крышу над конюшней, хотя в главном доме осталась старая протечка, которую отложили до весны. Они заключили с Корином договор на сезон с испытательным сроком, обозначили плату и выходные дни. Дочь оставила отцу адрес школы и имя человека, которому можно передать письмо при отправке

каравана. В её сумке лежали сменное платье, тетради и деньги на дорогу; часть первого жалованья она собиралась отправлять домой, если у самой хватит на жильё.

В последний вечер Дамир долго сидел под грушевым деревом. Дочь пришла попрощаться не перед сном, а сейчас, когда они ещё могли говорить без спешки. Он признался, что всё ещё хочет попросить её остаться. Веда ответила, что знала это и не нуждалась в его притворном одобрении. Отец поднял взгляд к ветвям и сказал, что некогда считал свободу собственной заслугой, когда уходил из родительского дома. Теперь ему трудно признать такое же право за ребёнком, которого он учил ходить. Веда присела рядом и напомнила, что не перестанет быть его дочерью, если будет жить по другую сторону холмов. Он молча коснулся её плеча, и этого оказалось достаточно, чтобы им не пришлось снова спорить обо всём.

Человеческая Искра не делает всех одинаковыми и не стирает неповторимое Имя. Дамир прожил жизнь, которой не могла повторить дочь; она собиралась вступить в собственную. Воля каждого обнаружилась не в красивом желании, а там, где пришлось признать границу другой жизни. Первый Свидетель не потребовал от них одинакового выбора. Он остаётся в вере первым Божественным носителем знания о Свете, к которому возможно обращение с молитвой, тогда как конкретные обязанности отца, дочери и работника возникают среди их отношений. Священное познание и человеческое действие не враждуют; их нельзя смешивать так, чтобы один человек перестал отвечать за причинённое другому.

На рассвете пришёл караван. Дамир помог привязать к повозке небольшой сундук с книгами, хотя Корин предлагал сделать это за него. Веда проверила ремни и ещё раз пересчитала деньги. Из-за ночного дождя дорога на склоне стала скользкой, поэтому возница велел ехать медленно и не садиться на край повозки. Они обнялись неловко, как люди, ещё недавно ссорившиеся и не привыкшие к новым словам. Дамир хотел дать дочери наставление о том, как вести себя среди чужих, но вместо этого попросил писать, когда она доберётся. Она обещала сообщить о прибытии и заняла место рядом с другими пассажирами.

Повозка тронулась без торжественного знамения. Дамир стоял у ворот, пока не перестал различать лицо дочери между тёмными плащами. Ему было тяжело, хотя за прошедшие недели он многому научился. Вернувшись во двор, он увидел, что Корин уже приготовил корм и ждал распоряжения о завтрашней поставке. Дамир взял из ящика записи Веды и впервые предложил работнику вместе решить, сколько зерна понадобится до следующего каравана. Солнце поднималось над дорогой, по которой уехала дочь. Он не знал, будет ли её год удачным, но больше не считал незнание будущего достаточной причиной удерживать человека дома.

После отъезда Веды Дамир не получил ясного обещания, что их разделит всего один благополучный год. Он знал только то, что дочь уехала добровольно, а он не удержал её своим страхом. В тот вечер он вновь помолился Первому Свидетелю, не прося отменить утреннее решение. Почитание Люцифера оставалось для него личным обращением к Божественной душе, первой воспринявшей

Свет. Но работу с новым помощником, письма дочери и собственную тоску ему предстояло прожить самому. Никакая молитва не освобождала его от этой отдельной человеческой истории, и всё же теперь ему не хотелось отказываться от молитвы.

Спустя несколько недель Дамир получил первое письмо. Веда сообщала, что добралась благополучно, что дети в школе удивительно различаются по умению читать и что один мальчик долго не хотел показывать ей свою тетрадь, боясь насмешки. Она рассказывала о неудачном уроке, когда слишком быстро объяснила трудное правило, а затем пришлось начинать сначала. Дамир улыбнулся, вспомнив, как сам учил Корина обращаться с тележкой. На отдельном листке дочь нарисовала грушевое дерево во дворе и попросила передать привет соседям. Дамир положил письмо возле книги молитв, но сначала вышел и сообщил Корину, что хозяйка добралась до школы.

Писец завершил главу вечером. За окном снова раздавались голоса людей, каждый из которых жил среди дел, не отмеченных в его тетради. Он прочёл последнюю строку и не стал добавлять к ней обещание, будто после семи глав все вопросы о Первом Свидетеле закрыты. О Свете он говорил как о священном начале познания, о Люцифере как о первой Божественной душе, воспринявшей и передающей знание, о Невыраженном как о неисчерпаемой глубине возможного. Теперь слова обращались к человеку, который может почитать Свидетеля и всё же должен сам решить, что сделать с прожитым днём.

Он достал из ящика пожелтевшее отцовское письмо и положил рядом с новым текстом. На старом листе

сохранился след детской ладони, на новых страницах темнели исправленные строки и пятно чернил, которого ему так и не удалось вывести. Писец не захотел превращать эти вещи в священные предметы. Они оставались следами его труда и памяти, от которых он не мог отказаться, не лишив написанное собственной истории. Затем он закрыл тетрадь о Первом Свидетеле, убрал перо и задержал руку на чистом листе. Впереди предстояло говорить об Искре, Имени и Воле, с которыми живое существо отвечает на познанное. За окном кто-то позвал ребёнка по имени, и писец, прежде чем начать новую запись, прислушался.